

Последний демон рая

Сергей
Гвоздѣв

Магия
сплетений

Последний демон рая

Сергей Гвоздев

**Последний демон рая.
Книга 1. Магия сплетений**

«Э.РА»

2019

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Гвоздев С.

Последний демон рая. Книга 1. Магия сплетений / С. Гвоздев —
«Э.РА», 2019 — (Последний демон рая)

ISBN 978-5-99062-274-6

В Империи Рая происходит череда странных убийств, чёрных ритуалов и дуэлей. И начинается вендетта мечом и магией на самих Охотников, которые об этом пока не догадываются. Любителям остросюжетного фэнтези.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-99062-274-6

© Гвоздев С., 2019
© Э.РА, 2019

Содержание

Птицелов	7
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Александрович Гвоздѐв

Последний демон рая.

Книга 1. Магия сплетений

© Гвоздѐв С., 2019

* * *

Император в Парящем замке, Инквизиция, псы-рыцари Ночные Волки, и маги Сплетения пребывают в истинном Раю... Тогда почему всё в один день вдруг переменялось? Тихо крадутся в ночи похитители тайн; засверкали мечи дуэлянтов; вытащили ножи разбойники; небо раскалывает демоническая магия Диких. Это пролилась кровь невинных, и вендетта неотвратима. Охота на Охотников начинается. Вот только сами Охотники об этом пока не догадываются...

* * *

Ольге посвящается

– Ты должен помнить, что боги не заботятся о смертных...

– Нам нет дела до богов.

«Сказания Меекханского пограничья»

Роберт М. Вегнер

Из «Секретного Предписания ордена Инквизиции для своих агентов»

«... А поскольку наша Империя Рая стоит на трёх традициях, мы, Инквизиция, должны соблюдать их, охранять и поддерживать любой ценой и любыми средствами! Прежде всего, это особа Вечного, Непогрешимого и Всеблагого Императора Рая. Любая критика любых Его действий должна немедленно и беспощадно пресекаться. Все, кто будет замешан в этом прямо или косвенно, должны быть заклеены и высланы за пределы Империи Рая, либо казнены.

Благодаря Императору, с Парящего замка струится божественная благодать эликсира Рая, дарующая избавление от болезней и немочей. Все, кто незаконно проникают в Империю Рая в поисках незаконного омоложения, должны быть заклеены и высланы, либо казнены.

Здоровье нации Империи стоит на родовых камнях клановых систем. Так, ребёнок, освящённый на родовом камне получает важные качества выбранного тотемного животного (Волка, Кошки, Змеи, Кабана, Вола, Медведя, Орла и др.). Он приобретает высокую сопротивляемость всем болезням, не подвержен эпидемиям. Дети Ереси (эльфы, гномы, тролли, орки и т. п.), которые могут испортить наших наследников помесью своей богомерзкой крови, при обнаружении на территории должны быть заклеены и высланы, либо казнены.

Пираты и степняки, в силу своей перворождённой греховности находящиеся вне закона и не имеющие специального разрешения на пребывание в Империи Рая, должны быть заклеены и высланы, либо казнены.

Все, не платящие налоги и не имеющие работы в черте столицы Рая, попадают под «Декрет об тунеядцах». А поскольку в Империи Рая все без исключения живут в радости, счастье, и праведном труде, и у нас нет тюрем, тунеядцы должны быть заклеены и высланы, либо казнены...».

Птицелов

«... Когда грянет глас благого Посланца Вечности, даст он магические дары Избранным Его. И первым будет награждён Повелитель птиц, самый ловкий и щедрый...»

Из анналов Красной церкви

«... Из мерзкой дыры в преисподнюю выбросит побрякушки Силы проклятый Демон. И первым схватит Амулет Проклятья неба самый трусливый и жадный – вор...»

Из предсказаний Небесного храма

Ночные джунгли не сулили ничего приятного, но Птицелов осторожно, как положено профессиональному вору, высмотревшему богатую добычу, крался к далёкому костру. Его не могли остановить ни надоедливые москиты, ни притаившиеся в темноте ядовитые змеи, ни кровожадные хищники, и даже беспощадные собратья-разбойники. Вор едва не упал, поскользнувшись, когда крик боли опять разорвал тишину, и застыл, прислушиваясь:

«Опять банда дьявольских монахов выпытывает что-то... Этими воплями всех зверей так к себе приманят... Дорого бы я отдал, чтобы посидеть сейчас несколько минут рядом с ними и послушать о чём откровенничает жертва!»

Да вот если сказать честно, то отдавать было уже просто-напросто нечего: в этой недельной гонке за серыми плащами с багряной окантовкой монахов он потерял всё: доходягу-коня, укушенного змеёй час назад; сбережения на чёрный день; и даже продал неплохой фамильный меч, неоднократно выручавший его в тёмных подворотнях. Он, выходец из солидной сельской семьи, был теперь одет в ветхие обноски, достойные бродяги! В эти дырявые тесноватые сапоги и дорожный плащ с капюшоном, которой исправно служил, наверное, не первый десяток лет десяти владельцам, пропоротый и порезанный в десятке мест на менее удачливых предыдущих хозяевах...

При всём том Птицелов шёл на огромный риск, даже не имея при себе оружия, кроме бутафорского меча и дорожного посоха, которым отпугивал впереди себя змей. И в голоде и лишениях он твердил себе:

– Я смогу!

Ему стоило огромного труда целую неделю невидимым и неслышимым следовать за десятком конных монахов, рыскавших по округе и возивших с собой тяжёлый сундук, набитый явно не камнями, судя по постоянной охране днём и ночью. За эти утомительные последние дни преследования в нужде и голоде он понял одно: развязка близка. Ведь неутомимые монахи носились из одних руин храмов и святилищ в другие с каждым днём всё нетерпеливей, выдавая свою явную ограниченность по времени. И если бы эта округа не была ему так знакома по путешествиям в прошлом, он никогда и не угнался бы за ними. А монахи явно спешили, не считаясь с загнанными лошадьми, высочайшими ценами на старинные книги и свитки, весьма дорогими услугами местных проводников по таившим множество опасностей джунглям на задворках Империи Рая...

Привыкшему находить более лёгкую добычу в каменных джунглях городов, Птицелову пришлось в лесах не сладко. Ведь там действовали банды, здесь же он всегда один, и не мог физически круглый день и ночь быть настороже, да ещё и следить за шайкой нетерпеливых монахов. Поэтому вор, обладавший, как и все в клане Кошки, прекрасным ночным зрением, но здорово устав и оголодав, всё же допустил смертельную ошибку: задумавшись о славном прошлом, едва не налетел на крадущегося в темноте хищника. На самого опасного: полосатого саблезубого тигра – властелина ночных джунглей.

– О! – помертвел он от ужаса.

Хищник был около трёх метров в длину и весом, как показалось с испугу вору, уж никак не меньше тонны. Предательски треснувшая под ногой Птицелова сухая веточка заставила тигра остановиться, присесть для атаки и резко повернуть назад огромную лобастую голову. Саблезубый зверь, будто выходец из самых кошмарных снов человека, застыл, ощерив страшную пасть, битком набитую острыми зубами и особенно зловещими длинными двумя клыками в верхней челюсти. Его круглые бешеные глаза разгорелись в темноте, обнаружив перед собой человека: лёгкую добычу.

Птицелов мгновенно вспотел и оторопел, но растерялся лишь на одну секунду. Затем одним длинным плавным движением он выдвинул из ножен лезвие меча на одну ладонь и пошевелил им, надеясь, что хищник увидит блики острого металла, несущего боль. И тут же лихорадочно затвердил молитву Родства Кошек, без конца повторяя горячим шёпотом нехитрые слова:

– Мы с тобой дети одной матери: Большой Кошки... Мы с тобой дети одной матери: Большой Кошки... Мы с тобой...

И в какое-то мгновение от накала чувств его голову словно пронзила молния, волосы встали дыбом, и он почувствовал впервые в жизни родство по клану крови, о котором столько талдычили старики и к которому относилась с таким скепсисом молодёжь. В этот миг прикосновения к древним ритуалам будто искра понимания пробежала между ними, соединив их кошачьи сердца. А молчание всё длилось и длилось. Длилось бесконечно, целую минуту. Наконец безжалостные глаза тигра прикрылись, и он моргнул. Затем нехотя закрыл ужасающую пасть, отвернулся и недовольно тихо рыкнув, грациозно скользнул между сплетениями лиан вправо.

– Едва не пропал, – сглотнул слюну Птицелов, – вот просто ни за что пропал бы!

Ноги тряслись от перенесенного напряжения, в голове шумело, и он опустил голову, приходя в себя. Но тут же подскочил, едва не сев на толстую скользкую змею, толщиной с руку, притаившуюся в кусте. И снова только слепая удача опять спасла его, заставив змею в последний миг зашипеть.

«Что теперь: присыпать себя остатками Межзвёздной Пустоты? Тогда монахи хоть не почувют запаха моих мыслей... Или сэкономить остатки, оставив их на решающий бой?» После некоторого противоборства трусости и жадности, последняя взяла верх:

«В такой темноте, да ещё и с пленником на руках им будет явно не до меня,» – не очень уверенно убедил он себя, хотя внимание и удвоил.

Тёмно-синий порошок анти-магии был известен магам и ворами под древним названием Межзвёздная Пустота. Бархатный искрящийся порошок временно скрывал всякое присутствие владельца: его мысли и следы. Более того, он подавлял полностью любую магию и заклинания её сплетения. Это удовольствие, надо сказать, было очень и очень недешёвое, но настолько же надёжное. И для серьёзного ремесла уважающего себя элитного вора просто необходимое. Вот только осталось его в кисете у Птицелова маловато.

– Совсем маловато, только на один раз, – посетовал он.

Потом тихо-тихо, как движение звёзд по небу, он стал подкрадываться к высокому костру банды монахов. Оказавшись предельно близко, вор медленно, с терпением, присущим всем из клана Кота, опустил голову на траву в тени кустарника и внимательно всмотрелся в двоих сидящих. За полчаса, что прошли после крика, похоже, что истязатели добились-таки своего и что-то выяснили. Не нужное недвижимое тело жертвы, всё в следах пыток, лежало в пяти шагах от Птицелова. Его не выбросили в заросли только из опасений приманить ночных хищников.

«Вот так будет и с тобой, попадись ты им!» – будто предостерегало оно незваных гостей.

Все уже улеглись спать и их храп несказанно обрадовал вора. А двое дежуривших сидели спиной к толстому дереву и были слегка навеселе, при этом не особенно понижая голос, как

все подвыпившие. Они с аппетитом чавкали, поедая дымящееся жаркое и запивали его пивом из кувшинов. У голодного Птицелова слюнки потекли от аромата жаренного мяса со специями и запаха хорошего пива.

Оба сторожа приходились явно из клана Волка: поджарые, среднего роста, с продолговатой головой, вытянутыми глазами и ушами. Не любил их Птицелов, да и они клан Кошки не особенно жаловали.

«Вспыльчивые, мстительные, небрежные и мужиковатые. Волки они и есть грязные Волки. И чавкают как собаки,» – завистливо отметил он, как представитель клана Кошек, считавшихся чистюлями.

Старший, следовало бы честно признать, выглядел красавцем, таким мачо, какие особенно нравятся неразборчивым женщинам.

«Лет так двадцать пять, почти моего возраста,» – прикинул на взгляд вор.

Невысокого роста, стройный, с выразительными серыми глазами Волка, с вальяжными движениями, самоуверенный и высокомерный. Одетый в добротный плащ, тёмные сапоги, куртку, белую рубашку с кружевными манжетами и широкополую шляпу он, среди черноты ночи и грязи под ногами, являлся неким олицетворением элегантности. На шее висела толстая цепочка старого золота, на пальцах рук поблёскивали несколько серебряных перстней с крупными камнями.

«Фальшивка», – с пренебрежением оценил их опытный вор.

Но его больше заинтересовали повадки второго – с выбритой наголо головой монаха, который выглядел моложе, и одет гораздо проще. От этого Волка так и веяло чёрным запахом смерти и крови, а в глазах застыло выражение равнодушной жестокости. Прыщавый и сутулый, он здорово, видно, проголодался, судя по тому как он всё ел, ел и не мог никак наесться.

«Будто в последний раз жрёт», – снова сглотнул набежавшую слюну голодный вор, наблюдая, как ручеек жира стекает по уголку рта обжоры, а к подбородку прилипли крошки хлеба.

Чавкая и не вытираясь, прыщавый монах хвастался, явно набиваясь на похвалу старшего Волка:

– Вот и этого, как и вчерашнего, я сегодня за полчаса разговорил! Ты это видел, Красавчик? Видел?

Красавчик снисходительно кивнул, деликатно, надо сказать, обгладывая кость, и буркнул при этом, вздрогнув:

– Да уж. Ну и мастер ты, однако кромсать людей по живому... Мне порядком надоели эти каждодневные вопли. Слава Великому Волку, что этот станет последним: наконец-то поиски закончились и ясно, куда ехать для свершения магического ритуала.

Птицелов насторожился, полностью превратившись в слух, и даже перестал дышать, стараясь не замечать треск костра.

«Вот оно: самое важное!» – подался он вперёд.

Младший вытер правую руку о засаленный серый плащ, с досадой отмахнулся от москитов и угодливо подтвердил, кивая:

– И мне надоело тягать этот тяжеленный сундук. Я, когда снимал его сегодня, чувствовал, что там что-то шевелится, как огромная змея... Честное слово! – и он сотворил защитный знак.

Красавчик прищурился, вспоминая:

– А эти развалины, как сказал покойник, где-то совсем неподалёку. Что-то смутно знакомое: «Кецу-ица». Что это обозначает на варварском языке местных? ...

Молодой пожал плечами, бросив быстрый взгляд в сторону тела, лежащего поодаль, будто проверяя, жив ли тот или нет.

Красавчик небрежно махнул рукой и камни-обманки ярко блеснули на пальцах:

– Да и не важно название. Важно, что всё решится уже завтра. И если Магистр не врёт, как всегда, то скоро мы обставим всех этих недоумков-конкурентов: Инквизицию, пиратов, орден рыцарей, стражу, кочевников, императора... – всех, кто тянет лапы к нашим сокровищам.

У младшего враз заблестели от жадности волчьи раскосые глаза:

– Так в святилище Кецу-ица нас ждут сокровища?

Красавчик многозначительно ощерился:

– Там должно быть кое-что поважнее золота и камней!

– И что может быть важнее золота? – недоверчиво хмыкнул младший.

Старший спохватился, что заговорился, и закутил головой, оглядываясь:

– Не болтай лишнего, услышит ещё кто...

– Да я же свой! – гулко стукнул себя кулаком в грудь подвыпивший собеседник. Красавчик скосил на него злые волчьи глаза и про себя отметил:

«Магистр намекал вчера, что всех свидетелей придётся убрать. Значит этого Прыщавого в первую очередь: больно любопытен».

Затем, прислушиваясь, насторожился:

– Чем-то странным пахнуло из леса... пощупай-ка, брат-монах, магией вокруг!

Прыщавый положил мясо в траву и стал ловко сплестать пальцами заклинание Обнаружения. Потом, дёрнув пальцами бросил его в лес и обвёл невидящими затуманенными глазами джунгли, глубоко сосредотачиваясь. Через несколько секунд он распахнул глаза ещё шире, подпрыгнул и указал в чашу длинным пальцем, вытаращившись:

– Там!

Палец указывал точно на Птицелова!

Вор съёжился от страха и полной безнадёжности:

«Вот уж и сэкономил на Пустоте, так сэкономил... Идиот! Даже и не убежишь – у них лук!».

Монахи тут же вскочили, младший быстро наложил стрелу и натянул лук, безошибочно целясь в вора. А второй вытащили длинный меч, и они быстро зашагали к притаившемуся в кустах Птицелову. Через две секунды Красавчик ткнул острым концом меча в кустарник, заметив там лежащего человека и с угрозой приказал:

– А ну-ка встать! Посвети-ка, брат, на шпика!

Тот положил лук, споро сплёл паутину заклинания и к Птицелову поплыл небольшой ярко пылающий шарик. Он прожёт куст и летел к поднявшему руки вору. В это трагическое мгновение до Птицелова внезапно донёсся едва уловимый знакомый запах, и он тут же плашмя упал в колючую траву, нещадно царапая кожу.

А у него над головой пронёсся шипящий магический огненный шарик. И угодил прямо в морду неслышно подкравшегося сзади за вором саблезубого тигра. Тот раскатисто и недовольно зарычал, пахнуло палёной звериной шерстью. И через мгновение пружина стальных мышц распрямилась, когда над помертвевшим от страха Птицеловом пролетело огромное тело ночного хищника. Вытянув когтистые лапы и утробно рыча, он бешено ринулся на людей, причинивших ему боль своим огненным снарядом.

Это был тот же тигр, которого вор встретил ранее, и видимо, круживший вокруг костра в поисках добычи. И теперь эта трёхсоткилограммовая машина для убийства летела на двух людей, растеряно уставившихся на хищника. Им казалось, что будто шпион-человек вдруг превратился в зверя! Невероятно!

Ближе к нему, но немного сбоку, находился Красавчик и, хотя он пытался ударить мечом, времени для замаха не хватило. Он зацепил-таки зверя клинком вскользь, оцарапав сталью правую лапу тигра. Но и сам отлетел, скуля, как щенок, получив лапой затрещину по голове. Второй же сторож, нагнувшийся за луком успел только коснуться его: тигр полоснул когтями по его лицу и шее, разворотив мышцы и кости. А его клыки тут же сомкнулись,

погружаясь в мягкую белую шею монаха. Позвоночник тошнотворно хрустнул, голова откинута под неестественным углом назад, и конечности жертвы сотрясла предсмертная судорога. Тигр одним широким движением закинул монаха на спину, сверкнул глазами на Птицелова, и мощно прыгнув, исчез как привидение в чаще джунглей...

Только теперь Птицелов выдохнул воздух, и немного расслабился. Но тут поднялся несусветный шум: привязанные к деревьям кони дико ржали, двое оборвали повод и скрылись в кустах. И громко стонал Красавчик, сквозь пальцы которого сочилась кровь.

«Вот тебе и брат-Кошка!» – подался в ту же сторону Птицелов, не забыв прихватить с собой кость с остатками мяса, отлетевшую в его сторону при судорогах ног жертвы, молотивших по земле. – Вот это силища: одним махом двоих завалил!»

Он развернулся убежать и сзади услышал топот проснувшихся монахов, болезненный стон Красавчика.

– Что случилось?

– Разбойники? Нападение?

– Что за шум? – гомонили злые сонные монахи, вытаскивая оружие.

– Тигр! Саблезубый! Унёс Прыщавого в джунгли! – стонал Красавчик, с ужасом разглядывая свою окровавленную ладонь.

При упоминании о тигре боевой дух взъерошенных монахов почему-то заметно уменьшился.

Старший, явно из клана Змеи, пожилой, лысый монах, переспросил:

– Какой такой тигр?

– Да, Магистр! Просто огромнейший! – простонал Красавчик. – Да что вы стоите?!

Магистр, спасите нашего брата!

– Куда он унёс его? – близоруко шурясь, всматриваясь в темень, уточнил Змей-Магистр.

– Туда! – кивнул в сторону Птицелова Красавчик, мыча от боли на лице, которая, усиливалась с каждой минутой.

Магистр почесал щеку и покачал головой, потом протянул ему меч:

– Ладно. Держи оружие, Красавчик, и веди нас за собой.

Красавчик на секунду даже затих, мгновенно сообразив, что придётся пойти впереди всех на верную гибель, и ретиво тут же указал в противоположную сторону:

– Я перепутал сгоряча: тигр скакнул туда, в чащу!

Монахи гурьбой, подталкивая впереди притихшего Красавчика, стараясь шуметь погромче, подошли к лесу и выпустили туда десяток стрел. Потом для вида опасно потыкали копьями в ближайших кустах. Магистр выпустил в темноту несколько магических огненных шаров размером с кулак. Через полчаса «поисков» он прищурил змеиные глаза с вертикальными зрачками, и усмехнулся:

– Наверно убили зверя. Пошли досыпать.

Монахи, выставив стражу, улеглись, но нервно вскакивали и сжимали в руках оружие при первом же подозрительном шорохе. Каждый, холодея, представлял, что вот-вот сейчас из тьмы стремительно выскочит окровавленный тигр-людоед и сомкнёт огромные клыки именно на его шею. Жертва только успеет вскрикнуть и...

Зная, что неопытная молодёжь не уснёт, старый Магистр спал спокойно.

Птицелов же благодарил себя за свою воровскую сметку, что подался в нужную сторону, и улёпётывал по какой-то едва видимой тропинке вроде как в направлении Кецу-ица. Это было знакомое ему место, в десятке километров отсюда. Простой серый древний храм, переоборудованный под постоялый двор, конюшня, сарай и несколько домов вокруг... А пока вор через несколько часов выбрался из джунглей и быстро зашагал по имперской дороге – шляху. Шлях явно строили гиганты: прекрасная дорога, мощенная крупными обтёсанными камнями, десяток метров шириной. Шлях соединял столицу Империи Рая с горной пограничной Заставой,

последним форпостом Империи, надёжно защищавшим её Рай от враждебных набегов степняков-варваров на востоке.

«А вот теперь часок-другой можно и соснуть», – разрешил себе Птицелов, валясь с ног от пережитого.

Он забрался в первый же попавшийся стог сена на лугу неподалёку от поворота к Кецу-ица и провалился в сон, как в омут. Ему снились жёлтые глаза тигра, его длинные клыки, пламя костра монахов...

Утром ни свет, ни заря Птицелов выбрался из колючего стога. С тщательностью клана Кошки почистился, умылся у ручья и через час, настороженно оглядываясь, подошёл к воротам постоянного двора. «Эх, если бы я не был таким трусом и жадиной!» – весьма самокритично отчитал он себя, прикидывая, что предпринять дальше.

Потом поправился:

– Не трусом, а очень, очень осторожным! Сколько моих приятелей уже отплясало на висельнице или сложило головы на плахе? А я вот, хоть и такой-растакой «трус», зато живой!

«Но как ни крути, не будь я таким... хм, осторожным... то давно бы рискнул и попробовал заглянуть в заветный пузатый сундучок».

Как бы то ни было, но Птицелов опередил всё-таки монахов и вошёл в ворота с чувством победителя. По бокам просёлочной дороги стояли толстые каменные колонны. Он пробежал чуткими кошачьими пальцами вора по выемкам и прощупал полустёртую надпись на староперском:

«Кецу-ица. Сокрытое во мраке. Здесь всех ждёт приют».

Задумчиво кивнув, он по задворкам, в тени густых неухоженных кустов прокрался к сараю, в котором спали слуги. И потом вышел из-за него, будто после утреннего опорожнения, потягиваясь и зевая. Не торопясь подошёл к храму и ещё раз оглядел его, но новыми глазами:

«Где-то здесь сокровища древних... Искали многие, а завладею я!» – уговаривал он себя. Хотя пессимизм твердил другое: «Быть тебе битым опять!»

Вблизи древний храм забытых божеств представлял собой не такое уж и внушительное зрелище, как издалека. Сложенное из такого же квадратного камня, как и имперский шлах, серое здание на высоком фундаменте, метров пятьдесят на двадцать, стояло прочно и его не смогли сломить ни время, ни люди. Вознесши вверх острый позеленевший бронзовый шпиль, храм гордо возвышался на небольшом пригорке: символ основательности и напоминания о вечности богов и бренности людей.

«Сработано на совесть. Умели же в старину творить такое!» – не удержался восхититься вор, с уважением поглаживая шероховатый твёрдый камень.

Нахлобучив капюшон плаща на голову, дождавшись группу входящих слуг какого-то прибывшего купца, вошёл вместе с ними в общий зал. За эти четверть минуты он успел-таки забраться в кошелёк к одному из них и вытянуть наугад половину денег. Все забрать сразу было не совсем разумно: его вполне могли заподозрить в первую очередь.

Пробравшись в самый задымленный конец зала, он присел за расшатанный стол и сгорбился, заказав похлёбку и кусок хлеба на те гроши, что перепали по милости Большой Кошки сегодня утром от раззявы-слуги. Похлёбка была густой, душистой и сытной, в ней плавали квадратные кусочки разварившегося мяса, смутно напоминая о неудачнике монахе в пасти тигра. Но это отнюдь не испортило вору аппетита, скорее наоборот, подбодрило: он-то жив и невредим, здоров и молодец хоть куда!

«Вот только стемнеет и там посмотрим, кто ловчей!»

Через часа полтора во дворе застучали по камню мостовой подковы лошадей, забряцала сбруя, тяжело спрыгнули с коней всадники. Послышался тяжёлый звук шагов. Они приближались всё ближе и ближе, громяхая, как возмездие божие. Люди в таверне из любопытства

повернули головы на грохот к входной двери и насторожились: кого там несёт такого большого? Сердце у Птицелова забилось, казалось бы, в два раза быстрее.

«Помоги мне быть незаметным, Мать Большая Кошка!» – взмолился он.

Дверь распахнулась от сильного удара ногой, и в комнату вошёл... коротышка.

Все взгляды были прикованы к точке дверей на голову выше, а тут с важным видом возникает низкорослый Волк, нахмуренный и важный.

Это был злой как чёрт Красавчик, со свежей повязкой поперёк лица, там, где прошёлся когтем ночной тигр. От его былой красоты мало что осталось, и он был в самом что ни есть отвратительном настроении. Постояв на пороге несколько секунд, покачиваясь с носка на пятку, он подозрительно и зловеще обвёл всех мрачным взглядом. И тут в спину сзади сильно толкнули, и он, споткнувшись едва не растянулся на полу, слетев с порога.

– Да входи ты! – зашёл вслед за ним пожилой монах, по голосу Птицелов определил его как Магистра, – раскорячился тут, как девка на сносях!

В таверне громыхнул смех, все с усмешкой оглядели сконфуженного коротышку и снова занялись своими делами: застучали по столу кости, разгорелись привычные споры и беседы.

Птицелов присмотрелся к Магистру, ведь теперь это был его главный противник, стоявший между ним и сокровищами. У этого типичного Змея было властное лицо человека, привыкшего приказывать, а красный нос с горбинкой намекал о близкой и частой дружбе с бокалом вина. В империи Рая как-то повелось, что чаще всего высшие посты чиновников, судей, банкиров, врачей, министров и церковников нередко занимали выходцы из клана Змеи. Это, как правило, были люди хладнокровные, с хорошей памятью, воспитанные, образованные и с детства привитым уважением к традициям. Упорные и фанатичные, они умело плели интриги и легко узнавали один другого по длинной шее, вертикальным зрачкам, маленьким ушкам и горбатым носам. Слегка сгорбленные от постоянного сидения за столом с документами, они охотно поддерживали один другого. Но при необходимости так же легко могли с улыбкой сыпануть неуголному сородичу яда в вино или тайком вонзить в спину острый кинжал.

Птицелов поджал губы, сразу распознав тихую и неумолимую опасность исходящую и от этого Змея-Магистра.

«Ничего особого, так, пустяки: разве что он отменно владеет боевой магией, легко читает по лицу мысли, денег куры не клюют, друзей среди знати не меряно», – безрезультатно пытался он шутить, успокаивая себя.

Но шутка не получилась: скорее всего дела обстояли именно так.

«Или ещё хуже», – подытожил неудачливый искатель приключений.

Вслед за пожилым Змеем вошли два стройных парня с ухватками и осанкой военных, не в монашеских сутанах, но явно из свиты Магистра, оба из клана Волка.

«Стражники из Столицы Рая? Не-е-ет, для стражников они не настолько наглые и распоясанные, как положено быть всем разбалованным столичным стражам закона».

Они внимательно осмотрели зал и присутствующих, затем Магистр притопнул ногой.

«Явно знак остальным, что всё нормально,» – сообразил Птицелов.

И точно – в помещение тут же важно вошёл невысокий старик, тоже из клана Змеи. Несомненно, это был самый главный из монахов: с по-монашески выбритой головой, небольшой седой редкой бородкой и тяжёлой золотой цепью с восьмиконечным крестом на груди – явно атрибут верховной власти в Красной церкви. Из украшений на нём был только роскошный золотой перстень старой работы с кроваво-красным камнем. Одетый в дорогой расшитый золотом по канве снизу серый плащ, мягкие верховые сапожки, он благоухал даже на расстоянии тонкими церковными благовониями. Разговоры снова на минуту притихли, и все с интересом рассматривали его: монах был явно из тех важных особ, которые не часто останавливались в таких второсортных придорожных заведениях. Ещё двое рослых монахов с толстыми шеями, из клана Быка, заглянули в зал, настороженно огляделись и снова вышли.

«Ну эта парочка точно сейчас направилась осматривать подходы и отходы», – с пониманием дела предположил вор.

К важному старику-Змею тут же подскочил хозяин таверны, они о чём-то тихо оживлённо переговорили, старик снисходительно скривил уголки губ, что, видимо, означало довольную улыбку, удовлетворённо кивнул и подал знак, щёлкнув пальцами. Тут же оживился Магистр и поспешил к ним приблизиться, на ходу доставая кошель с деньгами.

«Достаточно толстый!» – удовлетворённо заметил Птицелов, и у него сами собой зачесались пальцы прибрать кошель.

– Сколько? Как прикажете, господин Настоятель? – с почтением поклонился Магистр важному старику.

Несколько золотых монет сверкнуло, переключивая из рук в руки, и хозяин постоянного двора засуетился, бросив все остальные дела на жену. Услужливо кланяясь, толстяк из клана Кабана, едва ли не смахивая пылинки перед приездом на ступеньки лестницы белоснежным полотенцем, повёл Настоятеля на второй этаж в лучшие комнаты для приезжих. Пожилой Магистр и всем недовольный Волк-Красавчик направились вслед Настоятелю и Кабану по узкой лестнице наверх.

Через пять минут спустился уже один Красавчик. Громкое важное покашливание, как он видимо рассчитывал, стоя на верху лестницы тем не менее не привлекло к нему никакого внимания сидевших, которые как ни в чём не бывало продолжали обсуждать свои дела и попить эль. Птицелов хоть и был в десяти шагах, но отметил, как лицо Волка обиженно налилось кровью и уши стали торчком. Нарочито громко топоча ногами, он спустился вниз, но трюк привлечения внимания аудитории и второй раз не прокатил. Ему пришлось напрячься, чтобы пинком ноги повалить стол. И вдобавок разбить вдребезги пустую глиняную кружку и только тогда разговоры несколько затихли, и ближайšie постояльцы неохотно повернулись к дебоширу. Коротышка расправил плечи и деланно густым голосом объявил, тараща глаза:

– Внимание! Нас едва не нагнала огромная шайка разбойников. Они засели за пределами ворот и нападут на любого выезжающего. Так что мы поставили там охрану с арбалетами и настоятельно рекомендуем никому не выезжать сегодня. Поняли? Возможно, что у разбойников есть здесь сообщники, поэтому всем подозрительным придётся переночевать в сарае для слуг. Под присмотром, конечно. Что делается исключительно для всеобщей безопасности, господа.

В зал вошли ещё двое высоких и широких в плечах монахов, клан Быка с увесистыми дубинками, обитыми железом. Людей в зале было человек двадцать, но все по два, три, и никто против пятерых вооружённых дюжих и трезвых монахов в прения, конечно, не вступил. Ропот раздался, когда коротышка пошёл по залу и стал тыкать пальцем в кое-кого, и тех начали хоть и вежливо, но настойчиво выпроваживать в сарай. Выводили, конечно, не богатых купцов, а запыленных бродяг, слуг, и вообще всех тех, кто чем-то не понравился коротышке-Волку. Птицелов заёрзал на шатком табурете, и не без причины: его штопанный-перештопанный плащ, сапоги, которые давно «просили каши», пятнадцатидневную небритую щетину на лице должны были счесть вполне обоснованным для присоединения к компании изгоев в сарае.

«Провал... Под самый занавес! Ведь байку про разбойников придумали и лишних выводят с целью свершить ритуал. Упустить свой шанс, во имя которого я потерял все деньги, оружие, коня. Быть запертым в сарае в самый разгар поисков!» – заскрежетал зубами Птицелов в бессилии, сжимая кулаки.

Сражаться? Безумие! Он был истощён и измотан недосыпанием. Монахи без жалости поколотят Кота-одиночку и всё равно кинут в сарай. Потом преспокойно сделают свои дела, завладев некими артефактами и умчатся, улизнут навсегда и... всё.

– Да, да, да! – горячо вещал хозяин таверны, с благодарностью протирая щедрые золотые монеты старика-монаха в кармане. – Эти разбойники всех перережут, как пить дать! Монахи

дело говорят: по утрам все разъедутся без проблем, ведь появятся патрули Заставы. Так что, господа хорошие, вы уж извините, но ваша безопасность превыше всего!..

И вот коротышка добрался, наконец и до его угла. Серые глаза Волка впились в Птицелова, он скривился и указал на вора пальцем:

– И этого бродягу тоже ...

Ему не дал закончить фразу тщедушный старичок, ещё пониже Волка. Ему ещё ранее Красавчик приказал вымётываться. Одетый в выдавшую виды военную зелёную куртку вперемешку с какими-то звериными шкурами, явно с чужого плеча, он забренчал берегами, упираясь. Здорово выпивший, по виду из клана Змеи, старик намертво вцепился в стол и наотрез отказался подниматься, пока не выпьет эля столько, сколько сможет.

Волк демонстративно медленно развернулся к нему и презрительно протянул:

– Что тебе не нравится, дед?

Старичок вскинул пьяные глазки на Волка и захихикал:

– Ты что, слепой, Волчок, и не заметил, что я из всеми уважаемого клана Змеи?

Да, но вертикальные зрачки глаз, которые никак не удалось бы подделать, были прикрыты паволокой хмеля. Маленькие ушки давно не мыли, а тонкие пальцы несколько дней явно были знакомы только с кружкой вина, и никак – с умыванием.

Коротышка скривился, как от зубной боли и добавив двум Быкам:

– Да уберите отсюда наконец этого маразматика!

Монахи переглянулись, потом взялись с двух сторон за табурет и приподняли его вместе с пьяницей и краем стола.

– Ах, так?! – заверещал тот визгливым срывающимся голосом алкоголика, – да я шаман! Да я с Заставы! Да я вас всех здесь в порошок сотру! А тебе, Волчок, физиономию-то так разрисую, как старо-имперскую икону!

На мгновение коротышка от возмущения потерял дар речи, а потом с размаху ударил пьяницу в ухо. Старичок крепко зажмурившись, очень вовремя опустил голову и удар Волка поразил только воздух.

Шаман удовлетворённо захихикал, развязно жестикулируя:

– Охо-хо-нюшки... совсем крыша поехала у Волчка-торчка!

Двое монахов тупо смотрели на сцену, всё ещё держась за табурет и раскрыв рты. Оба детины из клана Быка явно не отличались быстротой ума и сообразительностью, как все чересчур сильные люди.

Волк заорал на обоих Быков, выхватывая меч:

– На улицу! Я там из него сито сделаю.

– Ух ты! – пьяно загримасничал, паясничая старичок, – и горазд воевать со стариками! Такой храбрец-удалец!

Но через несколько минут усилиями обоих Быков жилистого шамана всё-таки выволокли из харчевни и бросили на землю двора. Старик, охая, поднялся и тут же, встряхнувшись и оскалившись начал плести пальцами заклинание. В воздух пахнуло магией, и все подались подальше от коротышки-Волка. А тот, ухмыльнувшись, подскочил к старичку и из кармана щедро просыпал на его голову синий порошок:

– А какво колдовать против Межзвёздной Пустоты? И куда вся магия исчезла, да, старый придурок?

Старик оторопело посмотрел на свои ладони – и действительно, порошок Пустоты нейтрализовал магию, как вода заливают огонь, только багряные искры, как окалина, упали, шипя, в траву.

Волк-коротышка поднял меч, собираясь его ударить плашмя и подступил к согнувшемуся старичку:

– А теперь я тебе покажу, как у нас наказывают смутьянов!

Старик икнул и своим тонким посохом вдруг резко ударил Волка по пальцам правой руки – и меч выпал, звякнув, на камни. Красавчик никогда не был хорошим фехтовальщиком, так как боевое искусство владения клинком требовало недюжинного терпения и изнурительных тренировок, а он предпочитал проводить вечера в квартале «красных фонарей», что по его разумению было гораздо интереснее, приятнее и познавательней...

Коротышка зашипел и затряс сильно ушибленными пальцами, нагнулся и вытащил из-за голенища сапога длинный кривой нож-засапожник. Какая-то полная женщина-Свинья сзади вскрикнула, всплеснув руками:

– Разнимите их! Он же его убьёт!

– Да ладно, не буду я его убивать! – пьяно подмигнул ей шаман. – Не трудно поставить на место зелёного мальчишку.

– Да я не о нём, а о тебе, старик! – не отставала сердобольная толстушка.

Но монахи-Быки только ухмылялись, и не думая вступаться за старого шамана. А посетителям харчевни гораздо интересней было понаблюдать за дракой, пусть силы и явно неравны: молодой с боевым ножом против пьяного деда с тонкой палкой.

Волк оскалил зубы и ринулся вперёд, изловчился и снизу-вверх, под рёбра, махнул ножом. Острое лезвие вспорол воздух у самого живота старика, который только чуть-чуть отступил. Почти теряя равновесие, и вроде не глядя, он махнул посохом, и ударил им снизу-вверх по локтю нападающего. Этот удар подтолкнул руку с ножом гораздо выше, чем целил разбушевавшийся Красавчик. Шаман ойкнул, упал на четвереньки и когда Красавчик ринулся к поверженному шаману, тот неожиданно припечатал ему каблуком в живот, взбрыкнув ногой хоть и нелепо, зато точно. Удар, видимо получился неожиданно сильным: волк схватился за живот и согнулся, рыча от нестерпимой боли и беспомощной ярости. Старичок встал, отряхнулся, и легонько облокотился на Красавчика. Тот свалился на бок. Шаман покачался и пьяно осмотрелся:

– Ой, что это с тобой, дружок, упал в грязь? Тогда кто следующий?

От дверей раздался твёрдый голос Магистра:

– Где этот Красавчик? Уже пора приступать.

Монахи-Быки тут же очнулись и загорланили, разгоняя толпу. В сутолоке никто не обратил особого внимания, что шаман-Змей, спокойно подняв с земли дорогой меч неудачливого фехтовальщика растворился в сумерках. И тем более оказался неприметен второй, вор-Птицелов, в старом дорожном плаще, ловко подобранный нож и неприметно затерявшийся среди слуг. Хозяин-Кабан с натянутой улыбкой оповестил толпу:

– Всем по две кружки пива за счёт заведения за мелкие неудобства!

Народ загалдел, судача между собой:

– Видишь, как полезно в меру выпить: трезвого шамана Волк точно бы порезал...

– Так ему и надо, пусть не лезет на рожон...

Птицелов ненадолго притаился за углом, прислушиваясь и по привычке беседуя сам с собой:

– По идее они должны уже к вечеру немного расслабиться... Пора.

И хотя, как всегда, предчувствовал неудачу и побои, но далее медлить смысла не было никакого. Или пан или пропал!

Его треугольные уши клана Кошки чутко ловили все звуки: обычный гам невидимых жителей чащи джунглей за изгородью, пьяные песни постояльцев в таверне, стук топора при-слуги у заднего крыльца, редкое ржание лошадей в конюшне, плеск волн на камнях у реки...

И он был доволен, что его посвятили в клан Кошки. И всё дело в столичном Парящем замке, который действительно парил, вращаясь над землёй. И каким-то магическим способом мощно подпитывал все родовые камни старых кланов: Кошки, Волка, Кабана, Орла, Лошади, Змеи, Обезьяны, Быка, Крысы, Медведя и других. Все те люди, кто был освящён в младенче-

стве на родовом камне выбранного тотема жили на лет 20–30 дольше, никогда не заболели при эпидемиях, косивших соседние страны. И к тому же получали дополнительные физические и духовные качества в зависимости от выбранного клана. Для этого было достаточно положить на несколько минут новорожденного ребёнка на камень рода и заставить проглотить его несколько крошек этого камня. Так, люди, посвящённые в клан Быка становились высокими и сильными, но несколько простоватыми. Из клана Змеи – хитрыми, умными, но жадными. Из клана Волка – воинственными и выносливыми, но вспыльчивыми. Из клана Кошки – мягкими, чистоплотными, домашними, но коварными...

Тут Красавчик встряхнулся:

– Хватит вспоминать. Пора делом заняться!

Наконец он решился, пересилив страх и приняв самое деловое выражение лица, размеренным шагом с боку на бок направился к сараю. Уверенно взяв там наугад первое попавшееся ведро с мусором, он отправился по краю двора к храму. Здесь сразу выяснилось, что деревья ближе десяти метров от стены не растут. Не просматривалась и длинная лестница.

– Проклятье! Понастроили, святоши ого-го! – был неутешительный вердикт вора.

Стена строилась без архитектурных излишеств, на которые вора так удобно ставить ногу и цепляться. В итоге метра два высокого фундамента и четыре метра только на первый этаж. А этажей было два, плюс крыша.

Мимо прошёл слуга, выносивший воду и Птицелов сделал вид, что очищает ведро веткой, вывалил мусор под дерево. Сам же искоса продолжал изучать заднюю стену. Стена была действительно «ого-го», а на окнах первого этажа красовались ржавые, но ещё вполне надёжные прутья. На окнах второго этажа решётки отсутствовали и вдоль стены просматривался узенький карниз на уровне пола комнат. Осталось найти путь, чтобы добраться до этого карниза (метров шесть от земли), и вдоль стены проскользнуть до желанного окна. Учитывая, что на втором этаже были открыты ставни только в одном окне, скорее всего там и разместились Змеи и их ценный багаж.

– Значит проберёмся по карнизу... – решил вор.

И Птицелов делая вид, что собирает мусор, стал рыскать в окрестностях, сосредоточившись на решении проблемы проникновения. Подкравшись под окно сеновала, он просунул внутрь руку и тихонько снял с длинного крюка на стене моток обтёрпанной засаленной верёвки. Из кузницы, куда он проник через широкую трубу печи, вынес несколько полуметровых прутьев-заготовок и клещи, припрятав их под плащ. Скрутив прутья, он получил некое подобие тройной «кошки». Обмотав для бесшумности зубья тряпками, он метнул крюк в ставню дальней угловой комнаты на втором этаже. В шуме разгула и раздольных песен стук крюка был не слишком слышен. На десятый раз крюк всё же зацепился, и вор, подёргав за верёвку, ловко пополз вверх. Мягко и цепко переступая, он стал пробираться вдоль стены, вжимаясь в каждую её трещину. Узкий карниз – не лучшая опора, и обувь порой срывалась с трухлявого края. И только малый вес Птицелова помог ему добраться до распахнутых ставней заветного окна. Там он выдохнул и у самого края прислушался к звукам внутри. Судя по шагам и разговорам, в комнате находилось несколько человек. Магистр, не стесняясь, бранил кого-то:

– Поторапливайся, телепень! Скоро придёт Настоятель, а ты все ещё магического круга не нарисовал. Да ровней выводи линию: она не должна нигде прерываться! Символы я уже давно и без тебя нарисовал. Шевелись живее.

Второй только неразборчиво заворчал и в раздражении заскреб чем-то по каменному полу, не вступая в перепалку с въедливым Змеем.

«Похоже по голосу на Красавчика». – смекнул Птицелов.

После этого он крайне медленно и деликатно заглянул одним глазком в окно.

В комнате действительно находились двое: Магистр и Красавчик.

«Где же сундук? Где?» – нетерпеливо рыскал он глазами в поисках добычи.

И сундук нашёлся – он стоял в дальнем углу с откинутой крышкой. И рядом размещались выложенные на стол какие-то узкие, но увесистые фигурки людей и животных явно из золота, щедро украшенные драгоценными камнями. Половина их уже стояла по периметру магического круга, а в центре красовалась заковыристая непонятная красная руна.

«О-о-о-о! Целое состояние!» – оценив навскидку драгоценные камни, уже не на шутку взволновался вор.

Ему стоило большого усилия оторваться от созерцания близкого, но недостижимого сокровища. Он убрал голову, успокоился и немного погодя снова заглянул, осторожно, как только мог.

Сейчас Змей-Магистр бережно и аккуратно расставлял статуэтки рядом с символами, напоминающими по цвету кровь. Вор вздрогнул, мурашки пробежали по его коже – ему казалось, что фигурки оживали в магическом круге и будто бы даже начинали немного шевелиться, осматриваясь. И сразу ощутимо потянуло холодком от красного магического кольца, когда Волк-Красавчик наконец, замкнул толстую линию. Плащ он снял, одет был в прочную кожаную военную куртку, из-под которой выглядывала добротная кольчуга, на поясе – новый простой меч.

Птицелов содрогнулся, присмотревшись к Волку повнимательней:

«Да он рисует своей кровью!»

И действительно «художник» морщась макал кисточку в кровь от пореза на своей левой руке. Закончив рисовать, он тут же отскочил от зловещего круга, стараясь не смотреть на мерцающие нездоровым багровым цветом руны. Руны постепенно наливались внутренним светом и переливались, как бы оживая.

Магистр и Волк встали и подошли к двери.

«Сейчас они выйдут, а в это время я...» – приготовился вор, протягивая левую руку к подоконнику, хватаясь поудобнее, чтобы перемахнуть одним движением.

Тут шумно распахнулась дверь и в сопровождении ещё двух суровых Волков вошёл старик-Настоятель, переодетый в новое темно-бордовое с золотом по кайме облачение и с ритуальной короной на голове. Его пронзительные глаза властно вперились в Магистра. Тот тут же рухнул на колени, склонил голову и залепетал в смятении, поддельном или натуральном, трудно сказать:

– Всё готово, господин Настоятель! Всё готово...

Вор от страха едва не спрыгнул вниз на груды камней под окном – самый верный способ поломать себе ноги и руки. Ему показалось, что старик его почуял магическим зрением и сейчас сквозь стену уничтожит. Птицелов присел и стал потихоньку пятиться назад от окна.

– Начнём через полчаса! – властно приказал Настоятель. – Проверьте всё вокруг. Кто-то явно за нами следит... явно. Я всегда это чувствую – они где-то совсем рядом... но мы до рассвета успеем.

Потом послышался шум шагов, похоже на то, что кто-то шёл напрямиком к окну. Вор как можно быстрее на заплетающихся ногах добрался по шаткому карнизу до следующего окна, и ввалился туда. Это была запыленная, заброшенная комната, запертая снаружи. Верёвку он свернул, залез под кровать, забился в самый угол и посыпал вокруг себя порошком магической Межзвёздной Пустоты, создающей защитный барьер.

Волки и Быки протопали по коридору. Магистр приказывал:

– Ты – возьми фонарь и обойди вокруг здания. А ты и ты займите позицию в конце коридора на втором этаже, чтобы и мышь не проскользнула. Если что – сразу стреляйте из арбалетов, а потом разберёмся. Боги нам помогут... Поняли?

Хор нестройных голосов дружно подтвердил понимание несложного задания, и все деловито разошлись, громко переговариваясь, в разные стороны.

Магистр подошёл к двери и требовательно подёргал за ручку, потом потербил увесистый висячий замок снаружи. Затем он сплёл заклинание Обнаружения, и по комнате прошёл холодок волны магии. Но магия поиска была поглощена порошком Пустоты, и Змей пошёл дальше, тщательно проверяя все двери по обе стороны коридора. Птицелов облегчённо выдохнул, но новости его не обрадовали:

«Арбалеты! Да ещё несколько. Вот мерзавцы! Вряд ли монахи умеют метко стрелять, но с пяти шагов и ребёнок не промахнётся из этой адской машинки».

Птицелов расслабился и позволил себе немного вздремнуть. Но даже при всём своём кошачьем терпении ему казалось, что прошла целая вечность, пока он решился наконец выползти из укрытия и выглянуть во двор.

– Темнеет. Всё будет хорошо, – тщетно взбадривал он себя.

Осторожно выскользнув из окна наружу, вор начал подкрадываться к заветному светящемуся окну. И его спасла только его трусость – так медленно он переставлял ноги, что удержался и едва не сорвался вниз – кто-то совсем недавно грубо выдрал несколько метров деревянного карниза. Теперь к окну уже не было возможности ни проскользнуть, ни перепрыгнуть с обеих сторон.

А за окном начал звучать негромкий речитатив, и хор в несколько голосов начал петь заунывную странную мелодию на чужом гортанном языке.

«Чёрт побери, да это и не люди поют!» – мгновенно вспотел он, и его зубы застучали в унисон завываниям.

Птицелову казалось, что это подпевают тоненькими нечеловеческими голосами фигурки, расставленные по периметру магического круга.

«Вот вляпался!?!» – застыл он у стены, смаргивая с ресниц мгновенно выступивший пот.

Волосы встали дыбом у вора на затылке, и судорога свела все мышцы. Казалось, что прошло немало времени, пока Кот пришёл в себя и, едва не срываясь, двинулся назад, стараясь побыстрее исчезнуть с проклятой стены. Наконец вор снова ввалился, как мешок, в окно.

«Проклятье! Но ведь нет безвыходных положений и не открываемых замков, как учил меня папаша!» – хорохорился он, не теряя остатков надежды.

Хуже всего было то, что где-то в глубине души он облегчённо трусливо вздохнул и отметил, что если уж всё провалилось в тартарары, то надо поскорее уходить.

А ведь столько всего желанного и дорогого было так рядом, за стеной!

Но проклятые арбалеты в коридоре и голая стена снаружи действительно стали нерешаемой задачей. Да и время явно подпирало: монахи скоро закончат ритуал и снова запрут всё в сундуках, а, возможно, так и сразу уедут.

– Что делать?

Птицелов сел, пригорюнился и, ссутулившись, обхватил голову руками. Покачиваясь и постанывая от злости, он чувствовал, как безвозвратно капали в никуда бесценные секунды времени, которого не вернуть...

В комнате теперь находились только двое, одетые в торжественные ритуальные одежды: Магистр и Настоятель. Перед ритуалом они основательно перекусили. Стол ломился от яств, хотя главным блюдом была душистая монастырская колбаса из конины, которую они привезли с собой. Потом они отдохнули от обеденных усилий и, наконец, занялись непосредственно ритуалом. Магистр делал всю мелкую работу: перерезал горла чёрному и белому барашкам, сливал кровь в желобки круга, с почтением поддерживал книгу заклинаний, стараясь запомнить всё до мельчайших подробностей.

Настоятель проводил главное – ритуал. Долгий чёрный ритуал подходил к концу, и он в усталости опустил руки, давая громко стучащему сердцу передышку, окончив читать наконец древние заклинания. Нельзя ведь ошибиться ни в одном слоге или ударении – последствия могли случиться самыми катастрофическими.

И всё же Настоятель торжествовал, упиваясь значимостью минуты:

«Я войду в анналы истории Красной церкви как первый властелин даров Его!» – довольно заметил он про себя.

А ведь ушло так много усилий на поиск нужной книги и отдалённого от столицы древнего места Сил. А также ручное изготовление дьявольских фигурок, подбора нужного времени по магическому, планетному, солнечному и лунному календарям...

И вот результат: портал в неизведанное начал наконец открываться!

В дурмане испарений чёрных наркотических свечей в центре круга символов и кривляющихся статуэток появилось багровое сияние в форме шестиконечного окна, уходящего в бесконечность других измерений.

Настоятель подобрался и простёр руки в стороны, стоя у края круга Силы. Запрокинув голову вверх, он закрыл глаза и проникновенно продекламировал, приподнявшись от избытка чувств на носках:

– Прошу: явись же Сам и яви дары свои, Властелин Тьмы!

Сияние замерцало, стало вращаться по кругу, фигурки шевелили ручками, воздевая в мольбе их вверх. На самой высокой ноте сияющие клубы неожиданно прорвало, как мыльный пузырь. Тут же снизу вылетела и на пол к его ногам мягко шлёпнулась звякнувшая металлом коричневая кожаная сумка. Новенькая, туго набитая, с замысловатой пряжкой в форме чёрного многоугольника. Потом едва заметно обозначился туманный силуэт головы чуждого этому миру существа: с козлиными рогами и тремя женскими грудями. Он всё время изменял свой бородастый лик, цвет, и заговорил жутким гулким басом:

– Будут тебе Дары, Верховный! И помогут они тебе в твоём предназначении впустить нас в ваш мир. Или разрушить его. Магические Талисманы теперь твои, но помни: Белые силы тоже не дремлют и прямо сейчас они готовы...

В это мгновение порыв ветра прорвался в окно, потушив половину чёрных коптящих свечей. Силуэт козла с проклятиями исчез. И тут же ударил гром, заставивший содрогнуться всё здание, а по комнате прошла мощная волна, поднявшая пыль, и портал со скрежетом захлопнулся. Всё вокруг зашевелилось и стало жить своей жизнью: дрожал пол, подскакивал стол и стулья, клацал крышкой сундук, волосы поднялись дыбом у всех людей, а фигурки мстительно завывали, воздевая к потолку золотые ручки с острыми коготками... И тут неожиданно для всех в окно влетел Птицелов в развевающемся плаще!

Минуту назад, укрепив верёвку на крыше, он спустился вниз. И когда поравнялся с окном, внезапный порыв ветра был настолько силён, что с крючка сорвало ставню. Увесистая конструкция ударила по спине раскачивающегося вора, легко сбивая его со скользкой серой верёвки. Птицелов все же не зря был из клана Кошек, поэтому умудрился в воздухе развернуться и сгруппироваться. Но избежать столкновения со стоящим спиной к окну Верховным было никак невозможно. Он ногами поневоле толкнул в голову Верховного и тот, не успев ничего понять, рухнул прямо в круг на дёргающиеся статуэтки. А те в жажде крови завизжали, вытянули вверх ручки и проткнули его насквозь, мстительно заверещав. Ни капли крови не пролилось на пол, так как всё впитали в себя злоеущие золотые божки. С его падением связь круга Силы окончательно распалась. Статуэтки, насытившись, стали застывать в неподвижности. И замолкли.

Всё вдруг затихло, и Магистр оцепенел, не смея пошевелиться. А незванный пришелец, хоть и обжёг ладонь, при падении попав рукой в вонючую свечу, но не потерял ни мгновения зря. Перелетев через Верховного в центр круга, он, приземлившись на ноги, подцепил правой рукой коричневую сумку из центра круга и мельком заглянул туда. И обмер от восторга:

– Вот это да!

Сумка изнутри прямо так и сияла драгоценными камнями, вделанными в золотые и серебряные украшения. Да на вырученные деньги можно было купить целый посёлок! Птице-

лов всегда был жадным, и даже получив сокровища, остановиться уже не мог и попутно оборвал увесистый кошелек с пояса лежащего Настоятеля, прихватив заодно и корону. Затем он вскочил и бросился ко второму монаху – Магистру. Змей же вытаращил глаза и завизжал, как потаскуха, у которой отбирают недельную выручку.

– Заткнись! – зашипел он на Змея.

Тот и не думал затихать, и Птицелов двинул его кулаком левой в челюсть, сбивая хилого святошу с ног. Потом, сорвал и его толстый кошель, висевший на поясе. До сундука явно подобраться уже не получалось, и вор перебросил сумку через плечо. Попутно он сунул в зубы дразнящее благоухающее приправами кольцо копчёной колбасы, лежащее на столе.

– Четыре шага до окна, – прикинул он.

И метнулся назад, к верёвке, раскачивающейся на ветру у окна. Вор пробежал полкомнаты и был на верном полпути к спасению, когда дверь неожиданно распахнулась, и в проём вскочил Красавчик, размахивающий мечом в поисках врагов. За ним попытались пролезть сразу двое взъерошенных Волков-арбалетчиков, примчавшихся на шум. Они толкались и несколько секунд только мешали друг другу. Каждый из них старался вырваться вперёд и покончить лично с угрозой, присвоив все лавры избавителя только себе. Магистр метнулся к сундуку, выхватил из его недр золотой кинжал и заверещал, как сорока:

– Убейте его! Арбалеты, чёрт подери, вам зачем?!

Красавчик, видно ещё не восстановился после потери крови, но храбро побежал на подгибающихся ногах к незваному гостю. Выхватив по дороге свой меч, он ткнул им маячившего перед ним вора. Тот в панике отпрыгнул в сторону, и меч пропорол плащ, больно царапнув по рёбрам. Развернувшись вправо, вор махнул по диагонали ножом, отмахиваясь от настырного преследования и кончик лезвия сильно оцарапал лоб Красавчика. Тот заморгал – кровь залила глаза, и он беспорядочно тыкал мечом, рыча от бешенства.

– Вот теперь ты действительно будешь «Красавчиком»! – мстительно отметил вор.

Бык, как таран, поднажал сзади, из коридора, и протолкнул всех вперёд. Ввалившийся в комнату Волк вскинул арбалет, целясь. Пять шагов и ни одного шанса увернуться для вора.

– Стоять!

Птицелов машинально застыл в столбняке, не в сила отвести глаз от наведенной на его толстой стрелы с чёрным наконечником. Всегдашний страх сковал его крепче стальных цепей.

«Хана! – успел ещё подумать вор. – Довыпендривался!»

И тут новый порыв ветра уже сквозняком через окно в распахнутые двери бросил в комнату скошенную траву и ошметки сорванных листьев, слепя монахов. Птицелов пригнувшись тут же шархнулся влево, и стрела прошуршала по его волосам, прочертив неглубокую кровавую полосу. Сбросив оцепенение, он развернулся, и бросился к окну, разгоняясь изо всех сил.

И метнул в Змея кинжал.

И промахнулся!

Змей отпрыгнул, дрожа, как лист, в сторону, и бросил в ответ свой кинжал.

И попал!

Птицелова сила толчка только ускорила, в горячке он не почувствовал боли и продолжил бег к окну, верёвке и свободе.

– Попал! – радостно закричал Змей в крайнем возбуждении, услышав звук попадания.

Не было времени осматривать место удара, и Птицелов со всей возможной прытью прыгнул к верёвке. Арбалетчик бросил бесполезное оружие, и громко топоча подкованными сапожищами помчался за вором, на ходу выхватывая меч-бастард. Но клинок вспорол только пустоту: вора в проёме окна уже не было. Там Птицелов, вцепившись в верёвку оттолкнулся изо всех сил ногами и мгновением ранее уже вылетел наружу. Арбалетчик натолкнулся в полусумраке на низкий подоконник, находящийся на уровне ниже коленей, и едва удержался, ста-

раясь не сорваться вниз. Но тут Красавчик бросился вперёд, споткнулся об ноги лежащего Настоятеля и налетел на арбалетчика. Это спасло его, но погубило стоящего у окна. Толчок в спину заставил арбалетчика выпасть из проёма, ухватив только пустоту под юркой фигурой грабителя. И он с криком рухнул с шестиметровой высоты на груду крупных камней под окном, сломав при этом себе руку и ключицу, вывихнув ногу, и потом потеряв сознание от сильного удара головой о край камня.

Вор же с изяществом истинного Кота, вцепившись в верёвку, оттолкнулся и взлетел вверх и вправо. И упал прямо туда, куда целился заранее: в стог скошенной травы. Хоть ветер наполовину разметал сено, Птицелов упал как всегда, точно на ноги, и соскользнул вниз. И помчался, пригнувшись, дальше и дальше унося бесценную, воистину королевскую добычу.

– Спокойно, спокойно, спокойно... чёрт подери! – твердил он себе, не в силах унять бешено колотящееся сердце.

Он остановился в темноте, и стараясь не ошибиться сплёл обеим руками простенькое заклинание огненного Шара. И метнул шарик в стог сена. Сухая трава будто только и ждала этого огня – почти мгновенно вспыхнула, засыпав искрами вынырнувшую из-за угла погоню монахов. Порыв ветра только добавил жара, обдав их водопадом ярких жгущих искр. Они закрылись рукавами и отступили назад, а стрелы из арбалета улетели неведь куда. Выиграно было только несколько мгновений.

Но каких?! Бесценных!

– К коням! – продолжил бег вор, следуя своему плану.

Поворачивая влево, Птицелов, что есть прыти побежал в сторону конюшен. У угла он резко приостановился и прижался спиной к старому дереву сарая, сливаясь с ним в полутьме серым обтрёпанным плащом бродяги. И вовремя – мимо, громко топоча и вытягивая из ножен грозно поблёскивающие мечи, пробежали двое монахов. И остановились неподалёку, вглядываясь в темень и отблески пламени за углом таверны.

– Да что там у них, наверху? Разбойники? – рычал один, вглядываясь в темноту.

– Что-то горит! – ответил второй, нервно переминаясь.

«Да бегите же скорее на помощь, остолопы!» – напутствовал их Птицелов, чувствуя, как утекает бесценное время.

– Мы вроде как оставлены сторожить ворота... – неуверенно протянул первый Волк.

От харчевни донеслись проклятия и срывающийся на фальцет крик высунувшегося из окна Змея-Магистра:

– Да окружайте дом, недоумки! Он где-то здесь! Не дайте уйти этому Коту!

Это положило конец сомнениям Волков, и они помчались на помощь. Птицелов невероятным усилием воли заставил себя выдохнуть и выйти за угол спокойно. И столкнулся нос к носу с третьим монахом, молодым Волком, которого совсем не ожидал здесь встретить. Они уставились друг на друга. Волк вытаращил глаза, явно что-то заподозрив. Птицелов в небрежном приветствии поднял руку, желая успокоить парня и неопределённо промычал, не зная, что сказать:

– Мм-мм...

И не смог говорить членораздельно: он совсем забыл, что почему-то во рту всё ещё держал колбасу, смазавшую всю реплику. Тогда он медленно, стараясь не делать резких движений откусил кусок и протянул кольцо монашку:

– Угощайся, друг!

Тот недоверчиво воззрился на колбасу:

– Пахнет как наша, монастырская... А что это кинжал Настоятеля у тебя торчит из спины? – Его рука устремилась к рукояти меча-инвалида, висевшего на поясе у Птицелова. Он потянул рукоять. Меч, коротко звякнул выходя из ножен, и монах обрушил его на голову

стоящего рядом Птицелова. Никто бы не смог бы укрыться от быстрого и мощного удара на таком близком расстоянии. Не смог и Птицелов.

Меч понёсся к его голове и... пронёсся дальше, не задев её!

Он просвистел в ладони от головы вора. Птицелов, конечно, пришёл в себя первым: он ведь три дня назад продал свой добротный меч, получив взамен кроме монет-талеров рукоять с обрубком лезвия, длиной с одну ладонь, державшимся в ножнах только благодаря застёжке.

У парня-Волка отвисла челюсть от удивления, когда он увидел невредимого Птицелова, а когда глаза его опустились ниже, и он узрел меч-калеку, было поздно: удар локтем в голову, попав в висок, оглушил монаха.

– Да тебе только кадиллом махать, сосунок! – плюнул вор на поверженного врага и побежал к коням, сунув колбасу в сумку.

Распахнув двери конюшни, он на секунду остановился выбирая коня. Один ему сразу глянулся: с едва приметными полосами на шкуре, наподобие тигра. И тут неожиданно сзади на шее вора повис слуга, удушая того сгибом локтя. Птицелов, в уличных схватках прошедший через огонь и воду, тут же схватил его за рукав и резко согнулся, перебрасывая через себя. Бросив его на утоптанную землю, он ударил лежащего ногой в живот, чтобы лишить сознания.

– Не лезь не в своё дело! – поучил его напоследок.

Он подобрал меч молодого Волка, стоявший в ножнах у стены, и несколькими ударами перепортил сбрую на стенах и разогнал лошадей. Вскочил на спину коня, он накиннул наспех уздечку, а на плечо – моток верёвки, и ударил каблуками в бока, направляя его из конюшни. Это было сделано крайне вовремя – конь грудью сбил с ног возвратившихся запыхавшихся монахов-Волков и промчал дальше, шагов сто, к воротам. Проскочив ворота, Птицелов резко остановил коня, вспахав землю, и ненадолго соскочил, прихватив с собой верёвку. Прикрепив её, он сломя голову снова мчался на коне по узкой дороге дальше к шляху. Мимо тренькнула арбалетная стрела, глухо врезаясь в ствол дерева, затем сзади раздался грохот, ржание коней и проклятья.

– Ага! Натянута верёвка своё дело сделала! – позлорадствовал Птицелов.

Он оглянулся и едва не ослеп: совсем рядом поперёк дороги пролетел магический огненный шар. Кони преследователей поднялись на дыбы, сбрасывая всадников. Из кустов раздалось знакомое старческое хихиканье.

«Да никак старичок-шаман им припомнил унижение?» – сообразил вор.

Вылетев на дорогу, он повернул влево. Через пять минут бешеной скачки вор приостановился и вытащил кисет с остатками Пустоты. Посыпав порошком свои следы, он потом выбросил кисет. А сам повернул коня на знакомую по прошлым скитаниям незаметную просёлочную дорогу, петляющую по безбрежным джунглям, и ведущую невесть куда.

– А теперь вперёд, к свободе! – восторжествовал вор, пришпорив коня и вонзая зубы в колбасу.

Конь скосил на него круглые глаза, явно неодобрительно заржал и добавил хода.

Но скоро вор почувствовал непонятную слабость. Она медленно растекалась по всему телу, как будто что-то разъедало его изнутри.

– Яд? Стрела арбалета явно отравлена! – похолодел он, вспоминая покрытый подозрительной маслянистой жидкостью болт на арбалете монаха.

Это было обычной уловкой монахов, которые никогда не славились точной стрельбой, поэтому предпочитали отравлять стрелы сонным или ядовитым зельем. В данном случае это была явно отравка. И хотя Птицелов, как многие из отравителей и воров принимал регулярно противоядие, яд оказался неожиданно слишком силён. Да ещё и давала о себе знать рана от меча Красавчика на правом боку. Отыскав скрытую у тропинки охотничью избушку, вор сполз с седла и выпил остатки универсального противоядия со дна флакончика.

– Маловато будет... но потом травы собираю... подлечусь.

Он перевёл дух и прислушался к себе – легче не стало. Но и хуже тоже, вроде не было.

На ватных ногах вор ввалился в избушку и трясущимися руками зажёл переносной воровской тайный фонарь. Пощупал рану на боку – она была широкой и болезненной, насквозь вспоровшая кожу до самой кости, но не повредившая внутренних органов. Он перевязал куском плаща рану на боку и пощупал глубокую царапину на голове: кровь продолжала сочиться, хотя давным-давно должна была свернуться.

– Вот же напасть! Столько ран за раз получить...

Птицелов и не думал сдаваться – он решил принять противоядие и прижечь рану. И вспомнил про кинжал, торчащий из плаща. Вытащив оружие из дырки в коричневой сумке, он запустил туда руку и выгреб горсть украшений: несколько амулетов, колец. Остальное же место занимали полновесные золотые монеты. Одев на пальцы кольца, пригляделся к странным амулетам: они были похожи размерами, вот только изготовлены из разного материала, от них прямо так и веяло магической Силой. Жадность заставила его схватить золотой амулет с чудесной насечкой, окантованный сверкающими бриллиантами. Вор пригляделся, стараясь разобрать изображение – мир уже начинал понемногу расплываться перед его глазами. На амулете был искусно высечен большой кошачий глаз, птичьи перья и сеть – символы его клана Кошки.

– Как будто для меня и приготовлено.

Вор тут же одел его на шею, и тут же неожиданно упал на пол, потеряв сознание. В это мгновение он почувствовал, что будто кто-то мгновенно снял с него кожу и набросил другую, серебряную. В видении он увидел себя в густом лесу, окружённым странным клубящимся зелёным туманом. Пахло болотом и смолой. А на груди висел этот талисман, грея кожу. И вдруг из него вылетела целая стая чёрно-серых птиц, унесшихся в густой лес... Очнувшись, Птицелов недоуменно помотал головой и доделал дело, опустив сумку в каменный тайник под очагом. Затем накрыл для верности ещё и железной крышкой. Потом вор с трудом встал, захватив с собой фонарь, чтобы отправиться за лекарственной травой.

– А теперь – противоядие.

И не удержав равновесие, рухнул на пол. Фонарь ударился об камень, разбился и горящее масло потекло по полу, воспламеняя сухое дерево.

– Не сдавайся! Не сдавайся! Не... – твердил он себе запёкшимися губами, едва удерживаясь на грани небытия.

Но всё зря – боль накрыла его чёрной волной и через секунду он рухнул в темноту.

Он пришёл в себя, наверное, через несколько минут. Вор в беспамятстве всё же дополз до высокого порога, но перевалить через него не было никаких сил. Позади его избушка с треском пылала, и Птицелов чувствовал страшный жар подбирающегося сзади пламени и запах воспламенившегося плаща и нагретой кожи сапог – он сторал заживо!

– Не сдавайся!! – закричал он себе в отчаянии, едва не плача.

Сзади пылало, подбираясь всё ближе, жадное пламя, и его подгонял безумный жар от горевшей кожи на ногах и спине. Вор протянул руку к столь близкому ручью у избушки – всего-то несколько десятков шагов! Птицелов заплакал от боли и сожаления – было так страшно умирать в двадцать пять лет...

В этот момент из темноты леса выскочил конь с развевающейся гривой и вытарашенными от страха глазами. Он всё же переборол извечный ужас животных перед огнём и, ухватив корчащегося человека зубами за тлеющий плащ на спине, поволок к ручью. Бросив его в заводь, конь стряхнул со своей гривы искры и вытащил захлёбывающегося вора из воды. И заглянул в глаза человеку, часто дыша.

«Не засыпай, человек!» – прозвучал в голове у вора ясный голос, который, он мог поклясться, чем угодно, принадлежал этому коню.

Пламя на одежде и сапогах погасло, но боль от ожогов была воистину адской. Конь снова схватил его зубами и поволок через ручей подальше от огня, под толстые деревья.

Птицелов жадно, прикусывая губы и язык рвал зубами лекарственную траву и пожирал её, чтобы хоть как-то поддержать себя от засасывающего забытья смерти. И тут, как в кошмаре, увидел, как из чащи по тропинке выскочила погоня из нескольких монахов-Волков. Возглавлял их Красавчик, с наспех криво перевязанным бинтами лицом, перекошенным злобой – олицетворение возмездия и смерти. Соскочив с коня, он начал иступлено избивать ногами корчащегося и беспомощного Птицелова, который не имел сил даже просто прикрыть голову. Утомившись, Волк присел на корточки рядом с окровавленным вором, на котором и места живого не было. И с удовлетворением прорычал, как подобает матёрому хищнику, рисуясь перед подчинёнными:

– Ты ещё жив, Котьяра? Живучее вы отребье! Плохо следы заметал: кисет твой на обочине дороги маг сходу учуял. Кстати, мне для награды хватит и одной твоей головы, пусть и малость поджаренной...

Он медленно, картинно и торжественно вытащил меч из ножен, попробовал пальцем остроту клинка, одобрительно кивнул и поудобней перехватил его рукоять. Ему вдруг понравилось быть палачом, карающей десницей самой Судьбы и Матери Волчицы. Подняв клинок повыше, он затем с силой опустил вниз. Клинок сверкнул, земля захрустела, по шее вора заструилась кровь. Красавчик выкатил налитые кровью глазки и глумливо рассмеялся:

– Угу! Как оно? Ты правильно догадываешься, подонок, что я промахнулся специально. Твоя смерть не будет лёгкой – стану шею рубить помаленьку! Вот сюда! – ткнул пальцем в шею вора напоследок.

Потом поднялся, расправил плечи, ухмыльнулся, вознёс меч, примерился, с удовольствием прицеливаясь.

В эту минуту кто-то неподалёку громко взвыл, и эхо чутко отозвалось, теряясь среди толстых стволов джунглей, обвитых лианами.

Всё это время конь Птицелова рвался, молотя ногами воздух, но на нём повисли оба Волка, удерживая.

«Отбивайся, человек! Не сдавайся!» – кричал в голове вора голос бесновавшегося коня.

Но волю Птицелова обволакивал свинцовый туман, и он просто окончательно устал бороться. Устал настолько, что в конце концов сдался и тупо, как бы со стороны, теперь только смотрел на занесённый меч, ярко искрящийся в огне пожара. А сам не мог пошевелить ни одним пальцем, настолько был избит физически и морально.

«Так по-глупому всё и закончится? Не может быть...» – не верил он в происходящее.

Меч застыл на бесконечную секунду как обелиск, вознесённый к сияющему звёздами тропическому небу, а потом наконец рухнул вниз, набирая скорость.

И мрак проглотил Птицелова.

А полчаса ранее Магистр не знал: смеяться ему или плакать – так обернулись дела этой кошмарной ночи открывания портала в другие миры. Ведь с одной стороны, верховный Настоятель Красной церкви почил в базе и грех было не воспользоваться такой возможностью. И он тут же ею воспользовался: сразу же наклонился к телу Настоятеля будто прислушиваясь к его шёпоту, незаметно легонько шевеля его тело и согласно кивая головой. Под окном, гулко потрескивая, горело сено и ему даже не пришлось прибегать к ещё и к звуковым эффектам. Потом перстень посвящения Настоятеля сноровисто перекочевал на его собственный палец, затем встав с коленей, Магистр важно заявил опешившим монахам, столпившимся в дверях:

– Владыка передал мне все бразды. Увы, теперь *мне* придётся нести нелёгкий груз правления Красной церковью.

«А заодно запустить руку в сокровищницу, забрать его любовниц и проводить дни в праздности и неге!» – с удовольствием добавил он про себя, стараясь внешне блюсти подобающее случаю прискорбное и трагическое выражение лица.

Когда все рухнули на колени, он воздел руки и воззвал:

– А теперь все в погоню за грабителем! Никто не скроется от церковного возмездия! Магистр прикинул:

«Где-то дерзкий Кот-грабитель должен уже упасть, поскольку отравленный арбалетный болт его прикончит в течение получаса».

Но вот тут и заканчивалось всё хорошее, и начинались неприятные проблемы.

Дело в том, что Настоятель, как и положено старому упёртому интригану, держал всю операцию в строгой тайне. И никто не знал и десятой доли происходящего, ведая только то, что ему было отмерено по роли старым скрягой. Всё, что смог уточнить Змей, вспоминая обрывки фраз, так это было то, что из другого времени и пространства был вызван могущественный Демон. И он заключил с Настоятелем договор, согласно которому тот должен при помощи Амулетов впустить в этот мир демонов. При этом демоны будут сражаться на стороне Красной церкви и, возможно, завоюют всю страну...

Что будет дальше, после смерти Настоятеля? Договор расторгнут? И нужна ли будет войнам тьмы Красная церковь после победы? А в случае поражения?...

Но на сегодня главная загадка состояла в том, что это за артефакты и в чём их сила? – Как бы Талисманы использовать побыстрее и поэффективнее? – недоумевал Магистр.

Ему было невыносимо сидеть и ждать результатов. Поэтому, когда вскоре пришло известие от Красавчика, что след грабителя обнаружен, Магистр сам вскочил на коня и помчался, не взирая ни на что, в погоню. Свернув со шляха, Магистр погнал коня по узкой лесной тропе, низко пригибаясь под висящими лианами. И вот наконец впереди замерцало сквозь деревья пламя охваченного жадным огнём охотничьего домика.

Взмывший конь вынес его на поляну перед жарко пылающим строением и остановился, упёршись. У Магистра челюсть отвисла от разочарования:

«Негодяй сгорел? И сумка тоже?»

Он дико взвыл от разочарования во весь голос, перекрывая треск дома.

А за ручьём Красавчик узнал голос Змея, внутри мгновенно похолодел, но не в силах сдержать силу удара, немного изменил путь меча и рубанул лежащего по плечу у шеи.

Магистр закричал в бешенстве, заметив Волка:

– Не убивать, идиоты! Он мне нужен живым!

Красавчик неохотно вернул меч в ножны и стал оправдываться, честно глядя в глаза взбешённому Магистру:

– Да он оказал сильное сопротивление, дрался как дьявол. Я и не собирался его убивать! Это он меня чуть не убил. Дважды! Я еле спасался, а потом сбил его с ног... случайно.

Магистра обмануть ещё никому не удавалось:

– И ты, недоносок, тут же «случайно» измолотил его в кровь? Прочь с глаз моих!

Осмотревший вора монах покачал головой:

– Столько ожогов и такой тяжести... рана на плече... колотая рана на боку... резанная на голове... яд... воспаление... десяток поломанных рёбер... поломанные пальцы. Он никак не доживёт до рассвета, Магистр! Я бы уже умер от одной только потери крови и яда. А он всё ещё жив. Это непостижимо! Никто не может ему помочь. Я только разжал зубы ножом и влил противоядие, но это только одна десятая его бед.

Змей скрипел зубами и переживал:

– Тогда молитесь! Все! Ведь Господь может явить чудо, даже когда надежды уже нет никакой. Да сделай ты хоть что-нибудь, брат!

Тот лишь покачал головой и развёл руками, кивая на тело:

– При всём уважении, Магистр... Это уже только поджаренный кусок человечины.

Облитый ведром воды, Птицелов с трудом разлепил спёкшиеся веки. Всё плыло перед глазами – какие-то оскаленные рожи, кроны деревьев... И страшно, просто невозможно сильно хотелось пить.

– Воды! – прошептал он едва слышно, как ветер над водной гладью.

Но оскаленные физиономии никуда не исчезли, а наоборот все придвинулись к нему вплотную. Над ним склонился уже знакомый ему Змей-Магистр и прошипел сквозь зубы, вращая глазами:

– Где сумка, негодяй?

– Какая... сумка? ... Не... помню! – попытался оттянуть время вор. – Дайте... воды!

– Никакой воды, ни капли! Пока не скажешь, где сумка, которую украл после ритуала!

И Магистр для устрашения легонько уколол его в грудь острым кинжалом.

Птицелов как можно достоверней трагически вскрикнул, схватился за грудь и, откинув голову, притворился, что опять потерял сознание.

Магистр недоуменно посмотрел на кинжал, который даже и не окрасился кровью беглеца, и пожал плечами:

– Проклятье! Где там наш палач?... Разбился, выпав из окна? Красавчик, время не терпит, начни с отрезания ног, всё равно они обгорели. А потом...

Красавчик подступил поближе, весело кивая и вытаскивая нож. При упоминании про палача Птицелов вскинулся, вскочил на ноги, ударил Красавчика, отшвырнул Магистра в сторону. И резво побежал к лесу, да так сноровисто, что только пятки сверкали. После мгновения замешательства Красавчик опомнился, выхватил у рядом стоящего Волка арбалет и выстрелил ожившему «покойнику» в голову. В голову не попал, поскольку был плохим стрелком. Да ещё и непривычно стрелять с другого, левого глаза, ведь правый был забинтован. Болт свистнул на ладонь мимо головы беглеца.

– Ушёл! Опять ушёл! Мазилы! – торжествовал вор, зигзагами добегая до спасительной опушки леса.

Птицелов немного расслабился и вдруг сбоку что-то ударило его в бедро, сбив с ног. Это насторожённый у тропы самострел-арбалет пробил ему мышцу бедра толстой стрелой. Кто мог предположить, что здесь могла быть эта проклятая ловушка на хищника?! Через пять минут ухмыляющиеся монахи споро поволокли скулящего неудачника обратно к дымящимся развалинам и привязали к дереву.

Над ним склонился Магистр, поворачивая в ране стрелу, что вызвало взрыв боли:

– Так вот ты какой прыткий, Котяра! А ведь был только что одной ногой в могиле?

Подтянув вверх одежду беглеца он присвистнул, указывая оторопевшему костоправу, тыкая пальцем в свежую здоровую плоть:

– Смотрит ты! От ожогов остались только шрамы, раны затянулись, рёбра зажили... За десять минут? Значит Талисманы действуют как панацея? Рассказывай всё сам, пройдоха, или позову Красавчика, ты ему здорово насолил, испортив лицо. А потом и голову для верности тебе отрубим и сожжём. Хочешь ещё раз умереть? Только теперь по-настоящему?

Птицелов не хотел. Он показал, где схоронил сумку, всё подробно рассказал. Ну, по крайней мере почти всё, озвучив только самое очевидное, стараясь больше напирать на бестолковые подробности ограбления и побега. Магистр надолго замолчал, перебирая содержимое коричневой сумки, не пострадавшей в каменном тайнике. А потом принял решение:

– Будешь жить, Котяра. В конце концов не всё ещё ясно с Талисманами и что ещё можно из них выжать... Думаешь сбежать? Зачем? Я беру тебя на службу в свою свиту: будешь как сыр в масле кататься и жить припеваючи. Вот только везде чтобы был с Красавчиком. Если что....

Красавчик, стоявший невдалеке состроил кровожадную физиономию и помахал острым кинжалом.

Птицелов размышлял быстро и недолго. Потом обречённо кивнул Магистру, он с трудом опустился на колени и смиренно принял присягу верности Красной церкви.

«Чёрт с ними!» – устало подумал он.

Уже начинали петь утренние птицы и вставать солнце, когда вся процессия наконец покинула поляну и направилась по шляху к столице. Птицелов оглянулся на руины, поёживаясь от непонятных ощущений внутри себя. И вдруг осознал, что всё переменялось бесповоротно и его жизнь сделала крутой поворот.

Вот только к лучшему или худшему?

И зная свою удачу, Птицелов предчувствовал, что всё это явно не к лучшему...

«И всё-таки к лучшему!» – решил он через полдня.

Рана от арбалетного болта чудесно затянулась, оставив только ямку-шрам. Монахи к этому времени добрались до ближайшего городка на имперском шляхе, и решили остановиться на отдых.

Магистр распорядился, небрежно кивнув Красавчику в сторону запыленного вора в прожжённой одежде, и без сапог:

– Это «мурло» хорошо помыть, одеть и накормить.

«Мурло» недовольно набычилось, но под ароматными струями горячей воды и нежными ручками прелестных массажисток несколько расслабилось. А когда Птицелова одели во всё свежее и чистое, усадили перед столом, который ломился от еды, он возликовал. И, впиваясь в обильно политую терпким красным соусом грудку курицы, прошамкал:

– Вот это жизнь, друган! Не дуйся Красавчик, я ведь порезал тебя не по злобе. Ничего личного!

Красавчик, время от времени прикладываясь к кружке с элем и обгладывая ребро барашка, окрысился на вора:

– Ещё поквитаемся, Котяра. И скоро. Вполне может и с тобой случиться много чего! – перешёл он на трагический зловещий шёпот, свирепо морща совсем по-волчьему нос.

А потом захохотал при виде поперхнувшегося нежным мясом вора. У Птицелова враз испортилось настроение. И еда стала ему пресной, а квас – кислым.

В эту минуту замешательства мир вокруг его лопнул, как мыльный пузырь! И предстал в совсем других цветах! Вор как бы раздвоился и глазами кого-то другого увидел путь к спасению – дверь запасного выхода. Стараясь не подавать вида, удивлённо осмотрелся:

«С какой точки это видно? Магия, иллюзия?»

И натолкнулся глазами на птичку в клетке у низкой двери в глубине помещения.

И пришло прозрение:

«О! Вот почему на Амулете изображены птичьи перья! И из меня в зелёном тумане вылетали птицы! Я теперь могу повелевать птицами и смотреть их глазами. Как бог! Да и к тому же бессмертен, судя по зажившим так быстро ранам! Вот это дела, так дела... Поэкспериментируем ещё».

Он мысленно отдал приказ птице: «Пой, канарейка!»

Та неохотно зачирикала каким-то странным голосом, и он оборвал её: «Молчать!» Птичка охотно замолчала и застыла, нахохлившись.

Хозяин постоялого двора за стойкой заморгал в недоумении поросычьими глазками: – Ни фиги себе! Мой соловей только что пел почти как кенар!

Вор скривился, поняв свою ошибку. Но всё равно уже с превосходством покосился на Красавчика, обнимающего сразу двух пышнотелых и едва одетых девиц на соседней лавке.

– Что случилось? Ты что-то почувствовал интересное? – раздался рядом скрипучий голос.

Птицелов подскочил от неожиданности – никто не мог подкрадываться так незаметно как этот Змей-Магистр.

– Я... я – ничего... – стал он оправдываться, пряча бегающие по сторонам глаза.

– И что именно «ничего»? – вкрадчиво проворковал Магистр, обнимая его как старого друга.

Птицелов решил, что уж лучше промолчать:

«Видно, что старый козёл ни о чём не догадывается. А тут как раз в углу стражники сидят, если что, то закричу – они в обиду не дадут. А потом – только меня монахи и видели!».

Магистр широко зевнул, тоже скосив глаза на отряд играющих в кости стражников:

– Ну да ладно. Это не важно. Что-то я не выспался.... Пойду подремлю. Кхе-кхе, старость не радость, мой юный любитель мышей!

Он встал и потрепал по спине Кота. Потом обернулся, добавив через плечо, многообещающе подмигнув Птицелову:

– Заходи ко мне, когда восстановишься окончательно. Денег у нас... у меня... теперь немеряно. Прикинь только, что можно сделать с полновесными монетами?

И пошаркал вверх по лестнице, что-то бормоча и бренча содержимым кошелька.

Птицелов наконец расслабился, но вид денег в дрожащей руке Магистра не выходил из головы, будоража воображение. А тут ещё и воспоминание о той кожаной коричневой сумке, с дырочкой на боку от кинжала и набитой драгоценностями.

«Моей сумки! Я её первый взял!» – всё возмутилось в воре.

Алчность тут же стала рисовать красочные картины пленительных оргий с роскошными женщинами и карточных баталий. Бассейн красного вина... нет! фонтан вина и гарем... горы денег...

«Полновесные монеты!» Действительно, сумка золотых талеров мне при побеге не мешает. Неужто я не справлюсь с этим худосочным Змеем?»

Стараясь не суетиться и ничем не выдать своей решимости, он спокойно встал и как бы невзначай оглянулся через плечо. Красавчик за это время переместился в дальний угол, и его шляпа с дурацким ярким желтым пером маячила между грудей двух громко хихикающих девиц известно какого кабацкого сорта.

«Идиот собачий! Уж по тебе-то я точно не буду скучать. А с помощью Талисмана могу и свою банду организовать... или даже церковь – разница-то небольшая».

Он независимо расправил плечи и легко взбежал по лестнице, ведущей наверх в комнату Магистра. Поднявшись по расшатанным ступеням, он из шума и клубов дыма попал на тихий второй этаж. На цыпочках прокрался к двери, прислушался: внутри Магистр напевал мотив браурного марша и звякал монетами.

Оружия вору, конечно, не дали, но он захватил со стола бутылку. И, если старик заартачится, он умеет обращаться с острой «розой» отбитого горлышка, и Магистру не поздоровится.

«Ну, теперь держись, старичок!»

Мощно стукнув по двери ногой, он сорвал внутренний крючок и уверенно вошёл в комнату.

Весёлый.

Сильный.

Дерзкий!

Там, посреди небольшой светлой комнаты сидел за столом лицом к нему Магистр. И вывалив содержимое большого кошелька на столешницу, пересчитывал серебро вперемежку с медью. Иногда поблескивало и золото, которое тут же отметил алчный взгляд вора.

Закрывая за собой ногой дверь, Птицелов, заметил за окном сидящего на подоконнике ворона. И посмотрел его глазами за спину Змею: меча там не было.

Магистр не притворно вздрогнул от неожиданности и тут же засуетился – его трудно было застать врасплох.

– Присаживайся, присаживайся, голубчик! Прекрасно выглядишь, просто прекрасно: мой Талисман чудеса творит, верно?

– Твой? С каких-то пор? – вор вальяжно развалился на стуле.

Он закинул ногу за ногу и, поскрипывая новенькими сапогами из мягкой кожи, уставился на старика, стараясь как бы прижать его уверенным взглядом.

Тот почувствовав что-то неладное, притих и невольно прикрыл узкой ладонью стопки монет. Его рука приметно дрогнула и столбики разложенный по номиналам монет рухнули, несколько скатилось на пол и запрыгало по половицам. Затем он поднял руки и его пальцы затряслись, прикрывая лицо.

Птицелов наклонился вперёд и отбил горлышко об угол стола. Правда несколько смазало демонстрацию то, что бутылка попала в крепкой и разбить удалось только с третьего раза. Положив «розу» на стол, он потянул руку к деньгам, одевая на лицо самую кровожадную из своих кошачьих ухмылок:

– Ша! Руки на стол! И никаких сплетений магии! Пришло время расплачиваться, старый хрыч. Если конечно, не хочешь, чтобы я тебе сделал немного бо-бо?

Магистр ещё более смутился, заморгал, отодвигаясь от денег, беспомощно поникнув: в ближнем бою крыть ему было нечем. Когда Птицелов протянул левую руку и коснулся монет, всё внутри его запело от радости, и он заулыбался, в то же время не спуская с монаха бдительных глаз:

– А сейчас...

И в это мгновение из-за спины вора метнулась чужая рука. И острый кинжал пробил его ладонь насквозь, мгновенно припечатав окровавленную руку к столешнице.

– «А сейчас...» – тут же загнусавил, передразнивая вора, сиплый голос из-за спины.

Птицелов снова посмотрел в комнату глазами ворона. Это за его спиной стоял Красавчик и мерзко улыбался. Но вор быстро потянулся к «розе» свободной рукой.

И тут, как удар молнии, сверкнуло лезвие узкого кинжала, уже в руках Магистра. И Змей с неожиданной силой и точностью пригвоздил к столу и вторую руку вора.

– «Пришло время расплачиваться!» – приосанился Магистр. – Ты так говорил, Котяра?

Затем он вытащил из коричневой сумки, стоящей на полу под столом, совсем небольшой, с лезвием длиной всего-то с мизинец, чёрно-белый ножик.

«Странное оружие!» – подумал вор с нехорошими предчувствиями, присматриваясь.

И действительно, одна половина лезвия его была чёрной, а вторая белой, и ножик курился серым туманом какой-то враждебной магии. Магистр поиграл им, присматриваясь, и вдруг воткнул его в предплечье вора. И аккуратно провёл лезвием вдоль предплечья, распарывая ткань. Тут же из-под острого лезвия брызнула кровь и стало нестерпимо больно. А он продолжил, как ни в чём не бывало, позёвывая:

– «... Если только ты не хочешь, чтобы я тебе сделал немного бо-бо?», верно? Я ничего не путаю? Тебе не больно, мой «хитрый» брат?

Птицелову могло казаться минуту назад, что он после глубоких ожогов в лесу знает о боли всё. Но как он, оказывается, так жестоко заблуждался! Его порезанную чёртовым ножиком руку сначала будто провернули в мясорубке, потом разодрали на клочки и после этого пронзили тысячами толстых ржавых игл... Он сидел, хватая воздух открытым ртом, а в его глазах плескались слёзы и танцевали огненные искры.

– А-а-!!! – начал было он истошно кричать, но ладонь Красавчика тут же запечатала его рот.

Потом тело скрутила такая пронизывающая боль, что казалось, будто все-все нервы в теле одновременно прижигают раскалёнными ножами. Мир потемнел, непослушное тело тряслось, как в припадке падучей. Потом он вскинул голову вверх и, вырвавшись, завопил как обезумевший, погибающий зверь – обречённо и безнадежно...

Магистр прямо помолодел и заинтересованно взгляделся в круглые глаза жертвы, откуда брызнули потоки слёз, и, не торопяся, пояснил:

– Ножик тоже был в этой коричневой сумке вместе с Медальонами. Видимо, как лекарство для зарвавшихся Избранных. Кстати, на нём так прямо и написано рунами по лезвию: «лекарство от величия». Ой, что это? Рана не затягивается? – вскрикнул он в притворном удивлении и испуге, моргая.

Птицелов опустил взгляд вниз и оторопел: порез от дьявольского ножичка и впрямь не затягивался! Более того: от пореза в стороны ширились бурые прожилки, будто тело гнило изнутри!

А алая кровь, стекая по предплечью продолжала заливать кисть, затем начала гулко капать в наступившей тишине на пол.

«Проклятая чёрная магия!» – проклинал всех чародеев Птицелов.

Магистр театрально запричитал и подал ножик довольному донельзя Красавчику:

– О-е-её! Какое несчастье! А что если этот неловкий Красавчик сейчас нечаянно отрежет пальцы? Они восстаноятся? Любопытно попробовать, верно? С какого пальца начнём, Красавчик, с мизинца??

Вор опять взревел и заплакал: все надежды на свободу рухнули в одночасье!

Однако не все. Судьба, видимо всё-таки вспомнила о нём: дверь распахнулась от мощного удара кулаком, и ввалился потный стражник, явно из клана Кабана, злой и раздражённый. Плотного сложения, лет сорока, на груди белая бляха имперской Стражи, куртка в заклёпках, на голове шлем. Как у всех Кабанов – крупная голова, крепкие зубы, короткая шея, приплюснутый нос, маленькие глазки, вьедливый и сварливый нрав. Десятник Игрок никогда не отличался терпением и смирением, поэтому в конце концов патологическое нежелание работать и привлекло его в Стражу. А сегодня он только что опять проигрался в карты. Да ещё и пришлось от стола уйти, как проигравшему, чтобы утихомиривать каких-то буянов на втором этаже. И это ему – десятнику-ветерану!

Он мгновенно оценил обстановку профессиональным взглядом и рявкнул с угрозой: – Всем не двигаться! Что здесь происходит?

Птицелов жалобно запричитал, стараясь привлечь внимание:

– Смотрите, смотрите, уважаемый! Эти бандиты меня пытаются! И грозятся убить! Они...

– Хм! – рыкнул басом, нахмурившись, Кабан и громогласно прокричал в отворённую дверь, – стража, ко мне!

Красавчик подался назад, стушевался, побледнел и с готовностью поднял как можно выше обе руки. У него подломились коленки, и он едва стоял, опираясь спиной на стену:

«Только не в тюрьму, только не снова в тюрьму! Я там не выдержу! Эти зэки...».

К стражнику тут же подскочил Магистр. Он был ловок во всём: ловко подставил ему незаметную подножку ножами меча самого Кабана, ловко попридержал его под локоть и ловко сунул в руку большую горсть серебра, вкрадчиво запричитав:

– Да-да, уважаемый! Сплошное безобразие вокруг! Беспредел! Кстати, тут у вас выпало несколько талеров, я поднял их с пола, с вашего позволения...

Усы стражника оттопырились, и косматые брови поползли вверх. Он с презрением и негодованием смерил глазами кланяющегося Магистра:

– Да что тут происходит, в конце концов? Вы что, все меня за идиота принимаете?!

И он широко зашагал к столу, пылая от гнева и сжимая кулаки.

Птицелов расслабился и сглотнул, с обожанием глядя через плечо на приближающуюся фигуру представителя закона в развеваемом плаще. Да, он ещё никогда в жизни не радовался так стражнику и едва не плакал от умиления:

– Спасибо! Спасибо, что вы спасли меня от них!

А Кабан, не теряя скорости, стремительно прошёл мимо стола и выглянул в окно. Покрыв крупную голову в стороны, заметил:

– Теперь всё ясно. Вас только двое здесь: Змей И Волк? – оглядел он Магистра и Красавчика. – Понятно, как день, что кричали... где-то в соседнем доме, напротив нашего. Надо поторопиться: ведь, не дай бог, произойдёт нечто противозаконное. Стража бдит всегда! Её не обмануть!

Возвращаясь мимо стола, он, не останавливаясь, сгрёб остатки монет. А второй рукой отвесил сильную затрещину, от которой Птицелова бросило вперёд. Вор с размаху ударился лбом об стол, потеряв на минуту дар речи, сильно прикусив язык и разбив в кровь бровь. И тут же десятник отработанным профессиональным ударом ещё раз врезал по щеке вору. Удар пришёлся и по уху, которое сразу распухло и запылало. Ему показалось, что оно вот-вот взорвётся или отвалится.

А десятник-Кабан был уже у двери и бодро скомандовал в коридор опасно поднимающейся страже:

– Отставить! Здесь всё в порядке: только честные граждане. Пойдём, проверим дома напротив – кричали оттуда.

И выходя, подмигнул Магистру:

– Мы после обеда едем в столицу. Если что – спросишь десятника ночной стражи южных ворот – Игрока. Добрые люди должны помогать друг другу, верно?

И аккуратно притворил за собой дверь.

Магистр вернулся и стал справа от обречённого вора, высокопарно передразнив стражника:

– Ты слышал, Котьяра, что говорят мудрые и продажные стражи порядка? «Добрые люди должны помогать друг другу!»! Так вот, если ты нам сию минуту не поможешь со своими *правдивыми* впечатлениями о Талисмানে, я выйду из комнаты... надолго... а наш добрый, но неловкий Красавчик нечаянно, конечно, своим Чёрным ножичком, да между твоих ног...

Через минут десять весь в испарине Птицелов был выжат досуха, его трудно было остановить, когда он передавал им всё о Талисмানে, в том числе и о власти над птицами и о неожиданной помощи коня, с которым явно имел контакт.

Магистр удовлетворённо кивнул и сноровисто сплёл пальцами заклинание, залечивающее тяжёлую рану от страшного Чёрного ножика.

Потом нахмурился и аккуратно пригладил бурую рану белой стороной жуткого лезвия ножичка. После лечения кровь остановилась.

Затем всунул в рот Птицелова маленький синий шарик и заставил проглотить. Похлопав по плечу всего мокрого неудачливого вора, он добавил:

– Шарик, как ты уже понял, это очень редкий магический *живой* металл. Его я нашёл утром в сумке с другими дарами. Он навсегда останется у тебя внутри. *Навсегда!* И по моей магической команде разорвёт тебя, вывернув наизнанку. И если ещё раз попытаешься хоть что-нибудь отчебучить... А пока отдыхай, дружок. Кинжалы вернёшь потом.

Он кивнул на несколько медяков, скатившихся со стола, и монахи покинули комнату, где израненный Птицелов, дёргаясь, вырывался из-под острых кинжалов, разрывая плоть и рыдая от боли и бессилия.

Трясущийся...

Сломленный...

Слабый...

И вор дал себе клятву впредь не ввязываться в поединок с этим исчадием ада: «Никогда и нигде, провались ты пропадом, змееголовый стервятник!»

На лестнице Магистр сплёл несколько заклинаний и выпустил их в сторону десятника-Кабана. Красавчик, неприметно вытирая пот, нервно скривился, бравируя:

– Как мы лихо разыграли стражника! Я тоже притворился, что испугался.

Магистр повернулся к нему в задумчивости:

– Помолчал бы лучше, «притворщик»: едва в штаны не наделал. Видно, когда-то побывал в тюрьме? Тогда понятно... Что касается десятника Игрока, то я наслал на него прочное сплетение Неудачи. Подсади к нему сейчас же парочку наших переодетых молодцов. Пусть деньги перекочают обратно. Через пару часов он сам приползёт за новой ссудой. А в столице может очень даже и пригодиться: будут у нас свои собственные продажные стражники.

А сам был смущён всерьёз: «Моя боевая, да и лечебная магия на вора не подействовала! Не видел – не поверил бы. Такой защиты от чужой магии нет даже у Архимагов... Да и приближения вора к двери не почувствовал, хотя там и висела мощная паутина сплетения Охраны. Тут без Талисмана не обошлось, как пить дать... Пора пускать воришку в дело, пока он не пронюхал о своей защите. И о том, что мой выдуманный шарик тоже для него не вреднее лёгкого слабительного... Пора делом заниматься, а то, чувствую, что петля на шее нашей церкви и моей, кстати, скоро начнёт затягиваться. А если ещё прознают, каким образом я пришёл к власти и обозначил себя сам «всенародно избранным» ... Конкуренты, доставшиеся в наследство от настырного Верховного дремать не будут.»

Да, Магистр знал, что при всеобщем голосовании его никак не изберут приемником Настоятеля. Но до голосования оставалось ещё несколько месяцев...

После обеда, несколько часов спустя, они вскочили в сёдла и тронулись по имперскому шляху: задумчивый Магистр, хныкающий Птицелов, баюкающий немилосердно жгущее предплечье, заживавшее очень медленно, и в меру выпивший Красавчик, старающийся не дышать в сторону начальства, в сопровождении монахов-воинов.

По прибытии в столицу Империи Рая в Красной церкви воцарилась активная суэта, связанная сразу с несколькими событиями, коснувшимися многих.

Насколько была богата Красная церковь, Змей убедился первым же вечером, спустившись в сокровищницу и погрузив руки в сундук, полный искрящегося серебра и золотых талеров.

К прискорбию монахов, утром следующего дня им было объявлено, что этой ночью исчез главный казначей и вместе с ним все учётные книги. За ним везде разослали поисковые группы, и никто, конечно, не мог бы признать его в изуродованном трупе неизвестного, захороненном через день на кладбище прокаженных.

А если кто и не поверил, что закрома родной церкви пустые, то крепко держал зубы сжатыми, а язык на запоре. Ведь сразу был похищен неизвестными негодьями начальник тайной полиции церкви и молодой летописец. Поиски, конечно, ничего не дали. Хотя, результат оказался вполне ожидаемый: все остальные монахи поняли намёк: плетью обуха не перешибёшь...

Птицелов же катался как сыр в масле: ему было пожаловано следующее звание в иерархии. И все рядовые монахи кланялись ему издалека, поскольку милости, которыми осыпал его Магистр, были слишком очевидны. И ничего, что новоявленный советник Магистра и почти святой не знал ни одной молитвы, скоро все убедились в его злопамятстве и мстительности. И сразу притихли. Птицелов же быстро привык просыпаться на шёлковых простынях в компании послушных грудастых монашек-Кошек, питаться деликатесами и воображать о себе всё, что он только хотел.

Но однажды, через три дня его призвал Магистр. Вечером. Срочно.

– О чём он пронюхал? – гадал новоявленный «советник».

У вора заныло под ложечкой, и он потянулся в покои Магистра, потирая лоб и лихорадочно перебирая свои недавние грешки, грехи и святотатства. Их было как-то не по справедливости много, и Птицелов входил, а вернее почти вползал в пятикомнатную «аскетическую» келью Магистра, уже помирая со страха. И кляня себя за разврат, соращение, богохульство, пьянство, наркоманию, наушничество, воровство и многое другое, что ещё можно было списать хоть как-то на других....

Из коридора он заставил заглянуть в окно воробья: в покоях находились только Магистр и Красавчик. Отсутствие палача несколько успокоило вора:

– Уже как-то полегче!

Он с порога загнусавил, ударяя лбом об пол в раболепном земном поклоне:

– Меня оболгали завистники, ваше Святейшество! Да они сами...

Магистр комфортно восседал на резном троне Владыки церкви, обложенный подушками и парой бутылок с красным вином. Вытерев рот, он отмахнулся, досадно нахмурившись:

– Это ты об украденном со столовой серебре, взятках, наркотиках, кутежах и толпе соблазнённых девушек и мальчиков?

Птицелов едва не помер от страха, застыв в ожидании справедливой кары.

«Если сейчас пронесёт, клянусь стать сразу святым вегетарианцем! Мать Кошка, ну что тебе стоит совершить такое малюсенькое чудо для твоего верного почитателя?»

Магистр стукнул кулаком по подлокотнику, и вор подскочил от неожиданного раската гнева:

– Да чёрт с ними! У нас дела поважнее: глава Небесного храма продолжает свои гнусные и безосновательные нападки. Он грозитя расследованиями! Ему, видишь ли, кажется странной эти истории: с двумя пропавшими монахами-смутьянами и сундуком неприкосновенного запаса нашей церкви!.. Да и не пятидесятикилограммовым, как он утверждает, а килограмм этак сорок всего-навсего... сам поднимал... То есть я и в глаза его видеть не видел! Никогда!

В праведном возмущении Магистр отхлебнул вина из хрустального бокала и продолжил:

– Так вот, завтра у него будет юбилей – подонку стукнет восемьдесят лет. Даже смерть обходит его стороной. Я... то есть мы... принял решение ему немного испортить праздничное настроение. И вот тут-то у тебя есть реальный шанс загладить все свои грешки и грехи!

Птицелов сразу воспрянул духом, выпрямился, расправил грудь и независимо скрестил руки на груди. Даже сплюнул на пол от избытка чувств.

– Завтра к вечеру будь готов к секретной операции. Сегодня никаких непотребств!

– Лады, будь спок, – небрежно кивнул ему вполне успокоенный вор и разболтанной походкой направился к двери.

– Постой-ка на минутку, пожалуйста, дорогой брат! – остановил его подозрительно вежливый тон голоса Магистра.

– Чего ещё надо? – недовольно повернулся Птицелов.

Из теней у трона выступил Красавчик и как бы невзначай отвернул край плаща, где висел злополучный чёрный-белый ножик Демона. У Птицелова тут же страшно зачесалась едва зажившая раненая рука и прошиб холодный пот.

Магистр совсем задушевым отеческим тоном продолжил:

– А теперь, брат, будь добр, вернись, – загремел под сводом голос Магистра, усиленный магией. – И вылижи языком свой плевок! А заодно и метр вокруг него! Живо!

Магистр стоял у окна и размышлял, собирая воедино всю уникальную, исключительную историю империи Рая. Так он пытался найти слабое место, куда можно вклиниться и побыстрее стать богатым и могущественным – вполне естественное, как он был уверен, желание для весьма знающего, умного и очень, очень одарённого человека. Ведь его, якобы «всенародно

избранного», в любой день могла призвать к ответу за содеянные преступления и сомнительные исчезновения, удобные только для него, могущественная Инквизиция.

«И если присмотреться повнимательней, то становилось ясно, как белый день, что могущество Империи покоилось не на огромной армии. Смешно сказать, костяк армии состоял из столичной элитной гвардии, всего-то около пяти тысяч кавалерии. Мизер! Эти императорские любимцы, закованные в сталь, ну очень тяжёлые рыцари, обвешанные оружием и оберегами, конечно, были мастерами боя. Несравненными, непоколебимыми и неподкупными бойцами. Но их все-то пять тысяч! Ну, плюс несколько тысяч толстых солдат городской Стражи, да ещё гуляки-матросы и изнеженный десант немногочисленного морского флота, тысяча-другая пограничников на пяти Заставах и патрульных на шляхе. Итого – в лучшем случае семь-десять тысяч солдат, из которых только гвардия да пограничники чего-то стоили в случае серьёзной битвы. Да у любого соседнего королевства численность только элитных войск начиналась с пятизначных цифр!»

Магистр, как все люди при власти в империи Рая, понимал, что весь фокус в том, что составляло ядро и смысл «Рая». Это в центре столицы над дворцовой площадью медленно вращался на высоте метров двадцати многотонный Парящий замок. На грубом каменном диске диаметром метров сто, был надстроен небольшой красивейший ажурный замок. Он блистал белым и жёлтым: мрамором, золотом, а кое-где и россыпью драгоценных камней. Там обитал сам Император Рая и несколько десятков слуг, которым никогда не было суждено спуститься на землю живыми. Тот самый Император, о котором объявлялось важным послам: «Вечный, Всеблагой, Наисправедливейший и...» т. д. и т. п.

«Вечный» – потому, видимо, что никто не мог засвидетельствовать смерть человека, сидящего в маске феникса и никогда не спускавшегося (якобы) на грешную землю смертных подданных. Император никогда не произносил больше одной фразы с высоты своего огромного трона, выточенного из кристалла горного хрусталя, хотя порой и появлялся на балконе, снисходя до смертных, толпившихся внизу.

«Всеблагой» – вот что было главным! – ведь именно он владел единственным и неповторимым великим чудом Империи – струёй тонкого чёрного маслянистого ручейка, струившегося откуда-то из недр Парящего замка и вытекающего вниз, в небольшой пруд. Тот, кто касался его с молитвой сплетения Долголетия и выпивал стакан жидкости, вскоре получал облегчение от всех известных и ещё не известных болезней. Конечно, он не излечивался, но пока хотя бы раз в месяц касался вод этого ручья или пруда Рая и пил из него, он не страдал от болей, память прояснялась, морщины разглаживались, и он начинал жить полной жизнью, позволяя себе всевозможные излишества. Он при жизни уже был в раю! Но это стоило немало золота каждый год, и по закону Империи Рая только сто семейств имело право жить внутри высокого кольца стен садов Рая непосредственно в близости от Парящего замка. Остальные выстраивались в длинную очередь и только за золото могли прикоснуться к священному ручью, получая гарантированное исцеление. Маслянистая жидкость бережно собиралась в бутылки и продавалась на вес золота, хоть и хранилась всего несколько месяцев. Так же процветал и бизнес подделок, конечно.

Когда-то, уже давно, как гласила помпезная официальная история, одна из сильнейших северных орд, Тартария, вооружённая дубинами и одетая в шкуры решила захватить Парящий замок и струящуюся оттуда благодать Рая. Сказано – сделано. Потоп пещерных выходцев из Тартара мощной волной захлестнул империю Рая. Они победили своим количеством и дикостью: сокрушили стены и разогнали воинство. И когда степняки ринулись на последний штурм, белоснежный замок вдруг в последний момент преспокойно поднялся вверх и величаво улетел в сторону океана! И затерялся среди безбрежных просторов волн и россыпи дальних островов. Завоевателям пришлось довольствоваться грабежом окрестных городов. Тем временем, лишённые райского источника остальные государства объединились, забыв на время про все

склоки и междоусобицу, и стёрли северных варваров с их дубинами и каменными топорами с лица земли. Только после этого ратного подвига и многочисленных просьб Парящий замок вернулся, поскольку престарелые императоры, цари, шахи, короли, махараджи начали болеть и умирать без регулярного приёма бальзама Рая катастрофически быстро. Они за свой счёт построили три кольца стен, одно выше и толще другого. Тут же появился орден «Ночных волков» – рыцарей, закованных в сталь и непобедимых в бою. И, конечно, возник орден вездесущей Инквизиции, как правая, карающая рука Императора. Союз победителей получил право занять под свои особняки лучшие места в садах Рая и пользоваться одним стаканом нектара в день бесплатно. Почти бесплатно, если быть точными: если не считать гор приношений перед троним Императора Рая по всем праздникам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.